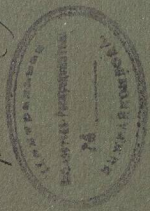


ЮНЫЙ КОММУНИСТ

Ac. p. 1253(2)



№ 17

СЕНТЯБРЬ

1 9 2 7

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВАЯ.—Оппозиционный маневр	3
Дм. БУХАРЦЕВ.—Пан-Европа и подготовка войны	8
Н. Ф.—На новом этапе	24
М. ТЕТЕРИН.—Ставка на молодежь	35
СМЕЛЬНОВ.—Первые итоги	66
ВАС. СУДАКОВ.—Международный антагонизм и задачи интернационального воспитания	50

Дискуссионный отдел

Г. БЕРГМАН.—Дела и люди	60
-----------------------------------	----

Критика и библиография

К. АНТОНОВ.—Н. С. Березин. «Оппозиция и основные вопросы хозяйственной политики	72
--	----

Выходит с 1918 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
Ц К В Л К С М

СЕНТЯБРЬ

№ 17



МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1927

Ac. p. 1253(2)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

1 мес. . . . 65 к. || 6 мес. . 2 р. 70 к.
3 мес. . 1 р. 90 к. || 12 мес. . 7 р. 20 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В Главной Конторе периодических изданий
Из-ва «Молодая Гвардия»: Москва, Твер-
ская, № 37; в отделениях и магазинах
«Молодой Гвардии» и во всех почтово-
телеграфных конторах СССР.

Оппозиционный маневр¹

Теория и практика борьбы оппозиции против партии вновь и вновь со всей остротой заставляют поднять перед комсомолом уже казалось бы не раз разрешенные проблемы. Ибо в своей ожесточенной дезорганизаторской деятельности оппозиция не останавливается перед тем, чтобы попытаться продвинуть свои щупальцы в массы организованной в ВЛКСМ молодежи. Она не считается с тем, что в нашем союзе большое число крестьянской молодежи, в значительной части еще сырой, которую еще только требуется перевоспитать в пролетарском духе. Она не считается с тем, что состав союза за последние годы резко обновился, что его ряды заполнены сейчас почти исключительно выросшей в годы послегражданской войны, т.-е. молодежи в достаточной мере не закаленной и не искусенной. Для борьбы оппозиции против партии все средства хороши. И одним из этих средств она надеется сделать комсомольскую молодежь.

Однако, оппозиция просчиталась. Ее расчеты на то, что ей удастся своими ультра-левыми фразами, прикрывающими правую сущность, завлечь в оппозиционные сети молодежь, не оправдались. Слишком маленьким оказался фиговый листок, которым оппозиция прикрывала свою наготу. И за этим листком левых фраз молодежи удалось разглядеть меньшевистскую сущность.

Но если это случилось, то отнюдь не потому, что оппозиция не старалась привлечь на свою сторону молодежь. Наоборот, ею была развита довольно энергичная работа в рядах комсомола.

В Москве, Харькове, в Грузии и в ряде других организаций одиночки-комсомольцы, завербованные оппозицией, выступали на союзных собраниях, копируя взрослых своих лидеров, они организовывали нелегальные совещания, рассылали документы, — словом, проявили необычайную способность к усвоению приемов и методов фракционной борьбы. Они оказались достойными учениками не очень достойных учителей. Мало того. Кое-каким из их приемов могли бы позавидовать и взрослые оппозиционеры. Так, в Грузии в один прекрасный день большое количество секретарей комсомольских ячеек получают по почте оппозиционную листовку-воззвание, наполненную бешеными и гнусными нападениями на партию. До такого остроумного использования государственного аппарата (почта) и партийного аппарата (адреса секретарей ячеек) в фракционных целях партийная оппозиция, кажется, еще не додумалась. И она может гордиться тем, что ее ученики быстро превзошли ее.

¹ Из работы „Оппозиция и комсомол“. Полностью работа печаталась в „Комсомольской Правде“.

Было бы удивительно, если бы оппозиция забыла про комсомол. Ведь союз представляет собою колоссальную общественно-политическую силу, с которой нельзя не считаться. Его значение растет с каждым годом, он проник во все поры общественной жизни, в его рядах воспитываются около 150 тысяч молодых членов и кандидатов партии. В этой кузнице выковываются будущие кадры строителей социалистического общества, в значительной части уже сейчас принимающее участие в этом строительстве. Чувствовать поддержку этих будущих кадров — значит иметь за собою будущее. Вот почему совсем не удивительно, что современная оппозиция в своих нападках на партию пытается, хотя и тщетно, привлечь к себе комсомольцев.

Да и не только современная оппозиция так поступает. Уже ряд лет, как всякая возникающая в партии оппозиционная группировка в той или иной форме, теми или иными путями и средствами стремится использовать комсомол для своей фракционной борьбы. Так поступала троцкистская оппозиция в 1923 году, так поступала так называемая ленинградская оппозиция, выступившая на 14-м съезде партии. Так действовала и действует сейчас современная объединенная оппозиция.

Но всякий, кто более или менее знаком с деятельностью перечисленных оппозиционных группировок, тот с легкостью сможет отметить, что методы работы современной оппозиции среди молодежи совсем не те, какими пытались завоевать молодежь прежние оппозиционные группировки. Можно даже прямо сказать, что эти методы диаметрально противоположны друг другу.

Вспомним, например, как, какими путями и средствами пытался Троцкий в 1923 году противопоставить молодежь партии. Он всячески льстил молодежи, он уверял ее, что она — лучший барометр партийных настроений. Он призывал ее бороться против косности, казенщины и бюрократизма аппарата.

Он призывал ее не доверять старым традициям и прежнему революционному опыту партии. «Нужно, — писал Троцкий, — чтобы молодежь брала революционные формулы с боем, претворяла их в плоть и кровь, выработала себе собственное мнение, собственное лицо и была бы способна бороться за собственное мнение с тем мужеством, которое дается искренней убежденностью и независимостью характера». (Троцкий, «Новый курс», стр. 81—82).

Нужно быть слепым, чтобы за этими выпенными словами о независимости характера и твердых убеждениях не разглядеть старых троцкистских идей о том, что свои собственные убеждения выше всего, что они выше партийных решений и партийной дисциплины. И эти троцкистские идеи с помощью грубой лести, «барометрических разговоров», с помощью кивков на перерождающую старую гвардию пытались привить молодежи.

Точно так же с лести молодежи, с подкакивания ее отсталым настроениям начала свою деятельность в рядах комсомола и так называемая ленинградская оппозиция. Готовясь выступить на 14-м съезде против партии, эта оппозиционная группировка воспитывала у комсомольцев Ленинграда вредные настроения: самознательность, самовлюбленность, презрение ко всем остальным, не-ленинградским, в особенности к крестьянским комсомольцам. И следует сознаться, что среди некоторой части ленинградского

актива комсомола того времени подобная деятельность оппозиции имела успех.

Понятно, что как троцкистские фразы о независимости характера у молодежи, так и деятельность «ленинградской» оппозиции среди молодежи ничего общего не имели с тем отношением к подрастающим кадрам революционеров, которое было характерно для Ленина. Никто иной как Ленин решительно настаивал на необходимости самостоятельных организаций молодежи, *«ибо без полной самостоятельности молодежь не сможет ни выработать из себя хороших социалистов, ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм вперед»*. (Ленин, том XIII, стр. 459. Курсив Ленина).

Но *«за полную самостоятельность союзов молодежи... за полную свободу товарищеской критики из ошибок лстыть молодежи мы не должны»*. (Там же. Курсив Ленина).

И Ленин действительно никогда не лстыл молодежи. Твердо и решительно, но без излишней резкости указывал он ей на ее ошибки. Он великолепно понимал, что можно принести наибольший вред делу воспитания революционеров путем замалывания ошибок его молодости. И троцкизм и так называемая ленинградская оппозиция были чрезвычайно далеки от этого истинно-ленинского отношения к молодежи.

Однако, вот уже больше года как тон всех разговоров оппозиции о комсомоле резко изменился. От разговоров о барометре, от лести не осталось и следа. Их заменила грубая, беспашапная, зачастую клеветническая критика деятельности комсомола и его руководящих органов. Еще в получившей печальную известность декларации оппозиции на июльском пленуме ЦК и ЦКК в прошлом году были следующие резкие строки, направленные по адресу комсомола:

«Тяжелей всего бюрократический режим отзывается на жизни рабочей и крестьянской молодежи... В верхушке союза молодежи бюрократизм получил за последний период чрезвычайное развитие, выдвинув немало чиновников, из молодых да ранних. Отсюда все большее вытеснение из кадров союза молодежи пролетарских, батрацких элементов интеллигентскими, мещанскими, которые легче приспособляются к потребностям руководства из канцелярии, но дальше отстоят от рабочей и низовой крестьянской массы.

Этим дело не ограничилось. Зимой этого года на одном из диспутов в коммунистической академии, на котором присутствовали не только партийцы и комсомольцы, тов. Сосновский дошел до того, что сравнивал атмосферу, царящую в комсомоле, с атмосферой погреба с прокисшей капустой. Не удивительно, — заявлял Сосновский, — что молодежь рвется из этой тяжелой и душной атмосферы к творчеству Есенина.

И, наконец, в самые последние месяцы на ряде комсомольских собраниях оппозиция в своих проектах резолюций выразила свое мнение о комсомоле.

«Вопросы союзной демократии, — читаем мы в одной из проектов, — еще не разрешены. Комсомольская масса чувствует какую-то тяжесть, подавленную на нее...

У молодежи, участвующей в разрешении каких-либо вопросов, появляется безразличное отношение. В выборности у нас происходит кукольная комедия.

Вопросы преподносятся в готовом виде. Вопросы интернационального характера отошли на задний план, мало им уделяется внимания. Опыт связи с заграничными организациями не изучается и не учитывается».

На собрании московского актива оппозиция предложила записать в резолюцию, что «в результате неправильного руководства, в комсомоле явно обозначалась опасность ослабления позиций рабочей молодежи и бюрократизации комсомольского аппарата».

Количество этих оппозиционных цитат можно было бы увеличить, однако, дело вовсе не в их количестве, дело во всем их тоне, во всем их характере.

Все, что пишет и говорит оппозиция о комсомоле сейчас, прямо противоположно тому, что она писала о комсомоле в 1923 г. и ко времени 14-го съезда партии. Если раньше оппозиция лестила молодежи, пытаясь с помощью этого дешевого приема использовать ее в своей фракционной борьбе против партии, то сейчас оппозиция клеветает на организации молодежи, и в особенности на их костяк — актив союза.

Чем объясняется подобная решительная смена вех? Почему так резко изменилось мнение оппозиции о комсомоле? Понять это вовсе не трудно.

Объяснение этого факта заключается в том, что ставка на завоевание молодежи при помощи лести потерпела жестокое крушение. В 1923 году Троцкому удалось еще привлечь на свою сторону и повести некоторое время за собой часть учащейся молодежи. Так называемая ленинградская оппозиция пользовалась некоторое время влиянием среди верхушечного ленинградского актива комсомола. Однако, даже и эти незначительные позиции анти-партийных группировок внутри комсомола были скоро у них отвоены. Чем дальше, тем больше комсомол и его актив распознавал подлинную сущность оппозиции.

Именно это обстоятельство и заставило оппозицию изменить свою тактику. Она поняла, что ни лестью, ни каким-либо другим демагогическим приемом не удастся завоевать актив союза, который достаточно искушен теперь в политической борьбе. И оппозиция поставила себе задачу: дискредитировать руководящие кадры союза, разбить комсомол на «верхи» и «низы», именно в этом смысл всех последних клеветнических выступлений оппозиции по отношению к комсомолу, именно поэтому-то оппозиция яростно вопит о бюрократизме в комсомоле, о вытеснении из состава его кадров рабочих элементов, о сдаче союзом своих завоеваний.

В этом тактическом маневре сказывается вся беспринципность оппозиции. Ей ничего не стоит сегодня говорить одно с тем, чтобы завтра заявлять совершенно противоположное. И продлевает она это, умудряясь сохранить видимость рыцарской позы и героизма.

Сейчас уже ясно, что и эта вторая ставка оппозиции в ее работе среди молодежи бита. Сейчас уже ясно, что в массах комсомольцев демагогические лозунги оппозиции не имели никакого успеха. В 2-миллионном союзе она нашла лишь одиночек, готовых идти за ней, одиночек, не пользующихся никаким влиянием, авторитетом и популярностью в своих организациях.

Несомненно, что это — катастрофическое поражение, ибо если даже комсомольские организации, молодые рабочие и крестьяне, только еще готовящиеся к классовым битвам, сумели понять подлинную сущность оппозиционных лозунгов, то это уже такое поражение, после которого оппозиции решительно не на что надеяться. Ведь как раз среди молодежи, наиболее экспансивной, наиболее темпераментной, легче всего могут привиться ультра-левые лозунги, хотя бы за ними и скрывалась правая сущность. И если не удалось оппозиции добиться влияния в комсомоле, то значит сильна у молодежи вера в партию и в ее руководящий штаб, сильно сознание необходимости большевистского единства, значит молодежь наша уже получила кое-какую ленинскую закалку.

А те одиночки-комсомольцы, которые слепо идут за оппозицией, выступают на союзных собраниях, терпя жестокие провалы, — это ласточки, которые никакой оппозиционной весны не сделают. В такой колоссальной организации, с 2 миллионами членов, как комсомол, с чрезвычайно разнородным и по возрасту, и по роду занятий, и по социальному положению составом, любая анти-партийная группировка всегда найдет нескольких сторонников. Случалось даже в истории союза, что и контр-революционные организации завербовывали себе в его рядах сторонников. Но это всегда были одиночки и по ним ни в коей мере нельзя было судить о союзе. Точно так же и пара оппозиционеров, выступающих на московском активе комсомола или несколько оппозиционно-настроенных комсомольцев, бегающих по собраниям союза в Харькове, никак не могут веселить оппозицию, ибо это исключение, которое подтверждает правило. А это правило заключается в том, что и московская и харьковская организации комсомола, как и весь союз, единодушны и тверды в своих партийных убеждениях.

Пан-Европа и подготовка войны¹

Мировая социал-демократия вообще и ее наиболее «достойный» отряд в лице германской социал-демократии вносит свою лепту в подготовку новой войны.

Вся тяжелая артиллерия социал-демократической «науки» и кавалерийские наскоки газетных рептилий II Интернационала объективно помогают буржуазии мобилизовывать умы народов к предстоящей войне. В первую очередь, социал-демократы всех застенков, начиная от махрово-правых и кончая розовато-левыми, пытаются «успокоить» свою частву и весь рабочий класс заверениями, что никаких войн «в волнах не видно» и что пресловутая опасность войны есть лишь плод злокозненных измышлений большевиков. Эта линия успокоения проводится всей социал-демократической прессой, начиная первомайскими статьями «Форвертса» и кончая последними передовицами «Венской рабочей газеты».

Но кроме простых заверений и лирических излияний на тему, что война хуже мира, а мир лучше войны, исподволь создаются и «теории», уснащенные подтасованными цитатами из Маркса и теоретическими премудростями самого Гильфердинга, признанного генерал-теоретика II Интернационала.

Немалое место в ассортименте теорий, подобранных социал-демократией на предмет облегчения буржуазии подготовки новой войны, играет немолодая уже сравнительно теория Пан-Европы— «Соединенные Штаты Европы».

Идея Пан-Европы в последнее время становится очередным козырем II Интернационала в его агитационно-пропагандистской работе.

Мы используем книгу меньшевика Войтинского для того, чтобы показать, какое содержание вкладывает социал-демократия в идею Пан-Европы и какое служебное назначение она, эта идея, намечает.

Книга нашего отечественного меньшевика, побывавшего даже когда-то в большевиках, Владимира Войтинского «Die Vereinigten Staaten von Europa» («Соединенные Штаты Европы»), изданная центральным издательством германской с.-д. партии, считается одним из наиболее тяжелых орудий в идейном арсенале II Интернационала по вопросу о «Пан-Европе».

Вообще-то Войтинский подвизается у меньшевиков, особенно в германской социал-демократии, на амплу «специалиста по мировому хозяйству». В этом качестве его выпускает довольно часто Гильфердинг в «Гезельшафт». Кроме отдельных статей в социал-

¹ Настоящая статья представляет собой главу из готовящейся к печати книги «Пан-Европа и будущая война».

демократических журналах, Войтинский выпустил довольно об'емистый статистический труд «Die Welt in Zahlen» (Мир в цифрах).

Книга Войтинского о «Соединенных Штатах Европы» представляет собой помесь пересказа его старых журнальных статей с избытками меньшевистскими рассуждениями о развитии мирового хозяйства до и после войны, в сопровождении длиннейших таблиц и автоцитат из «Мир в цифрах».

Проблема Пан-Европы, как таковая, занимает в книге, содержащей 185 страниц, лишь 43, остальное место посвящено различным историческим и статистическим экскурсиям в область мирового хозяйства.

Мы прежде всего вкратце остановимся на общих и мировых рассуждениях книги, а затем разберем подробнее отдельные проблемы Пан-Европы в их трактовке Войтинским.

„Куда влечет нас рок событий“

Рассуждения Войтинского в области анализа мирового хозяйства не представляют собой ничего особенного, достойного внимания. В первой части Войтинский дает картину роста мирового хозяйства *накануне войны*. Здесь в изобилии приводятся данные, характеризующие довоенный рост мирового хозяйства, в области сельского хозяйства, промышленности, транспорта, торговли, эмиграции и т. д., в сопровождении многочисленных таблиц.

Цель этой части книги: доказать, что хотя до войны мировое хозяйство непрерывно росло, не следует все же сейчас, после войны, заниматься апологией (защитой) «старого доброго времени». Хозяйственное положение накануне войны нужно лишь условно принять, как *красную черту* экономического термометра, указывающего «нормальную температуру» хозяйственного организма. В доказательство приводятся поучительные рассуждения о том, что война «доказала правильность социал-демократического анализа о разрывающих капиталистический мир противоречиях».

Напрасно стал бы читатель искать у «марксиста» Войтинского каких-либо указаний насчет загнивания капитализма или вообще какого-либо проявления деградации его.

Столь же глубоким анализом отличается и следующая часть книги: «Тулик послевоенного периода». Тут все теоретические потуги Войтинского устремлены на доказательство того, что хозяйственный кризис, царящий еще в большинстве европейских стран, является обычным «капиталистическим кризисом», а не «кризисом капитализма».

Возникающие же тут и там интернациональные конфликты являются скорее «угасающими искрами потухающего пожара, чем зарницей надвигающейся войны».

Послевоенный капитализм — стабилизированный, понятно, — является совершенно другим «общественным порядком, чем тот, в условиях которого возникла мировая война».

Войтинский перечисляет элементы нового «общественного порядка». Исчезли королевские троны и с ними остатки феодализма. Более сознательными стали народные массы. Произошел ряд социальных сдвигов: зачатки интернациональной охраны труда, участие социалистических партий в правительствах, полный или частичный переход городских самоуправлений в руки социали-

стов, — все это, по мнению Войтинского, социальные сдвиги мирового исторического порядка.

Мы не станем здесь входить в обсуждение того, насколько моменты, приведенные Войтинским, действительно означают переход от количества к качеству от довоенного к послевоенному капитализму. Для характеристики же серьезности претендующего на научность анализа мирового хозяйства достаточно указать, что из перечня новых элементов, характерных для послевоенного мирового хозяйства, выпал такой «пустяк», как СССР. Нам понятно, что эти четыре буквы вызывают у Войтинского не совсем приятную ассоциацию, но нельзя же научный анализ строить на эмоциях.

И дальше, на протяжении всей второй части, анализируя положение отдельных отраслей мирового хозяйства, Войтинский вспоминает о СССР лишь между прочим и только лишь для того, чтобы его лягнуть своим меньшевистским копытом.

Особое внимание Войтинский уделяет соотношению сил Европы и Америки. Войтинский горько оплакивает разжалованную Европу.

„Дезевропеизация мирового хозяйства не подлежит никакому сомнению. Об этом никто не спорит. Сердце мирового хозяйства не находится больше в Европе“.

А это, полагает Войтинский, означает для Европы «смертельную опасность». Европа перенаселена. Ее площадь не может прокормить 450 миллионов населения. Без заморского хлеба и сырья Европе не обойтись. Жизненную потребность для Европы представляют заграничные рынки сбыта товаров.

Европа не может быть «закрытым хозяйством». Она должна непрерывно увеличивать свои ввоз и вывоз, свою продукцию, словом, сохранить свое место под луной хотя бы и рядом со своей младшей сестрой северо-американской республикой. Опасность заключается в том, что Европа не может ступить в ногу со своим заокеанским конкурентом. Но это только одна опасность, другая, не менее значительная опасность грозит со стороны колоний.

Колониальные владения составляют необходимую часть европейского хозяйства, а движение в колониях грозит потерей Европой колоний, без которых она не может существовать. Европа, потерявшая мировые морские пути, лишившаяся колоний и опирающаяся на традиционное угольное хозяйство в то время, как за океаном применяется более усовершенствованная техника, — такая Европа задохнется еще в наше время.

Европа вступила в необычайно тяжелый период своего развития. Сохранение Европой своего положения в мировом хозяйстве становится вопросом ее жизни или смерти.

Спасти Европу и собирается наш меньшевистский витязь!

Войтинский предлагает критику все те пути выхода из послевоенного тупика, которые намечаются в последнее время. Он подробно останавливается на вопросе *снижения стоимости продукции*. Лозунг этот сам по себе правилен и логичен, скверно лишь то, плачется Войтинский, что его проведение в жизнь сводится к снижению зарплат и увеличению рабочего дня.

Войтинский пытается убедить европейских капиталистов, что нажим на рабочий класс невыгоден самим предпринимателям.

„Идеология современного заморского протекционизма, — говорит он, — базируется на разнице между зарплатой в Новом и Старом мире и необходимости охранить продукты хорошо оплачиваемых американских рабочих, рабо-

тающих только 44 часа в неделю, от конкуренции европейских фабрик с их годовыми ставками и постоянным нарушением 8-часового рабочего дня⁴.

Одна фразеология чего стоит: американские капиталисты, оказывается, защищают не свои *прибыли*, а «продукты американских рабочих». Вторым доводом Войтинского о невыгодности для капиталистов снижать зарплату является *понижение покупательной способности внутри страны*.

Этому вопросу Войтинский посвящает специальную главу, где, ссылаясь на авторитет Джемса Дэвиса (министр труда Сев.-Америк. Соедин. Штатов) и благоденствие С.-А. С. Ш., пытается убедить европейских предпринимателей повышать зарплату.

Но возможно ли удешевление продукции без нажима на рабочий класс? Войтинский полагает, что не только возможно, но и необходимо. В первую очередь следует рационализировать отсталую европейскую промышленность. Это можно провести лишь в «государственном, надгосударственном, интернационально-европейском» масштабе.

Основой рационализации должна явиться горизонтальная и вертикальная трестизация промышленности.

Но трестизация — это палка о двух концах: она, с одной стороны, приносит пользу народному хозяйству, но с другой — усугубляет в опасных размерах частно-капиталистические группировки, превращая их в государство в государстве. Поэтому рабочие партии, не отвергая в принципе необходимости трестизации, должны стремиться к тому, чтобы в трестах принимало участие государство или ряд государств.

По мнению Войтинского, участие современного *капиталистического* государства в том или ином тресте должно ослабить его частно-капиталистическое значение. Но объяснять Войтинскому марксистскую теорию государства будет так же бесполезно, как читать глухому воскресную проповедь!

Разворачивая дальше свою теорию удешевления продукции *без нажима на рабочий класс*, Войтинский все же вынужден признать, что стандартизация и типизация производства неизбежно приводят к *массовой безработице*.

Следующими элементами теории удешевления Войтинского являются: повышение квалификации рабочих, разумная жилищная политика, удешевление пошлин на ввозимые из-за границы предметы массового потребления и, наконец, объединение Европы в единую мастерскую и единый рынок.

Венцом создания и единственным выходом из послевоенного тупика является «великая, единая и неделимая Европа». Сюда влечет нас рок событий!

„Экономическое объединение Европы — предпосылка полного использования всех естественных богатств, разделение труда, приспособления к новым условиям, развития производительных сил, снижения стоимости продукции без уменьшения покупательной способности покупателя“.

Формула «Объединение Европы» включает, по Войтинскому, все. Она всеобъемлюща и потому в общем своем виде приемлема для всех, начиная от воинствующего империализма, стремящегося «бронированным кулаком» объединить Европу, до «московских главарей, стремящихся своими инструкциями и указами создать систему советских республик Европы».

Важно поэтому вложить в эту формулу определенное содержание. Этому и посвящаются остальные страницы книги.

Пацифизм на службе социал-демократии

Социал-демократия отлично знает ту боязнь новой войны, которой проникнуты широкие массы рабочих и мелкой буржуазии. Фактически содействуя своей повседневной практикой предательству рабочего класса и сотрудничества с буржуазией подготовке новой войны, социал-демократия всеми силами старается использовать миролюбие широких масс для своих целей.

Социал-демократия выступает трубадуром мира и благоденствия, используя слова мира для поддержки войны.

Эту же спекулятивную (не в философском понимании слова) методологию применяет и Войтинский, стремясь доказать миру универсальность предлагаемого им рецепта Пан-Европы.

«Во всех европейских странах все сильнее поднимаются носимые твердой волей широких народных масс требования радикальных мероприятий для предотвращения новых военных столкновений...»

Так начинается книжка Войтинского.

Дальше Войтинский отдает «должное» гарантийным договорам, оценивая их, как «правила обращения с огнем в пороховом складе». Но работа дипломатов беспечна, — меланхолически сознается Войтинский, — если «не устранены причины, вызвавшие мировую войну и ныне угрожающие новой войной».

Постулировав столь глубокую истину, Войтинский благоразумно избегает раз'яснения того, что следует разуметь под «причинами» и «движущими силами», новых военных столкновений. Вместо этого Войтинский патетически повествует об «океане общих интересов, поглощающем противоречия отдельных наций (?) или национальных группировок».

Экономическое объединение всех народов — вот панацея от всех бед, в первую очередь — от новой войны.

И дальше, на протяжении, предисловия, и всей книги Войтинский пытается опасностями войны убедить читателя не только в необходимости, но и в реальности осуществления Пан-Европы.

«Проблема войны и мира, — пишет Войтинский, в своем предисловии, — основная тема, может быть, даже единственная тема этой книги».

Эта артиллерийская подготовка нужна Войтинскому для того, чтобы лихим кавалерийским рейдом овладеть теоретическими твердынями Пан-Европы.

Колониальный вопрос

Одним из наиболее характерных вопросов в постановке Войтинского является колониальный вопрос.

Простодушные рассуждения Войтинского по этому вопросу разоблачают одну из самых основных подоплек Пан-Европейской идеи.

Ленин в своей статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» разоблачил смысл и цели возможного соглашения европейских стран. О чем могут они сговариваться? — спрашивал Ленин.

«Только о том, как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии против Японии, и Америки, которые крайне обижены при теперешнем разделе колоний, и которые усилятся за последние полвека, неизмеримо быстрее, чем отсталая, монархическая, начавшая гнить от старости Европа».

Это писалось в 1915 году. Кое-что с тех пор изменилось. Япония и Америка вознаградили себя в результате войны, но этим вовсе не уничтожили необходимость для европейских стран охранять от них свои колонии.

Ленин в 1915 году наметил ряд непосредственных задач, для решения которых может произойти временное объединение ряда капиталистических держав. К этим задачам в наши дни прибавляется еще одна, быть может, наиболее важная: *борьба с национально-революционным движением в колониальных и полуколониальных странах, борьба с эмансипацией «сфер влияния».*

Во имя этой «высокой» задачи может происходить, и частично происходит (например, в Марокко и Китае) координация действий отдельных мировых держав. Но только ханжи из II Интернационала пытаются увидеть в этом залог миролюбия.

В колониальном вопросе, как нельзя ярче выделяется истинное содержание современной социал-демократии и ее прислужническая роль у буржуазии. И Войтинский своей философией колониального вопроса это подтверждает самым наглядным образом.

Войтинский сразу берет быка за рога. С легкостью мысли необычайной разрубает он Гордиев узел колониальной проблемы.

«Эта проблема, — начинает Войтинский раздел о колониях, — не представляет собой никаких особенных теоретических трудностей». «Раз плонуть», как говорит матрос в «Любовь Яровая».

Европа не может существовать без колоний. На каждого англичанина приходится 8 туземцев в колониях, на каждого голландца — 7, на каждого француза — 1½.

7 европейских государств: (Англия, Франция, Италия, Испания, Бельгия, Голландия и Португалия) обладают колониями с общей суммой площади, в 30 раз превышающей их европейские владения и в 6 раз площадь всей Европы.

Это является достаточным основанием для типично колонизаторских рассуждений Войтинского.

«Европейское хозяйство, — доказывает он, — невозможно без колониального базиса», а потому взаимоотношения с «тропическими странами» (почему только тропическими?!) должны быть сохранены и при Пав-Европе. Но тут же вносится маленький корректив. «Колонии отдельных государств должны стать колониями всего союза».

Природная скромность не позволяет Войтинскому приписать это гениальное решение колониальной проблемы исключительно себе, и он потому почтительно ссылается на авторитет докладчика по международным вопросам на Марсельском конгрессе II Интернационала англичанина Бекстона.

В своей статье в «Гезельшафт» (№ 9 за 1925 г.) Бекстон предлагал:

- а) Распространение мандатной системы на все (?) тропические колонии.
- б) Узаконение прав имущества в колониях.
- в) Интернациональное рабочее законодательство для улучшения условий труда цветных рабочих.
- г) Пересмотр дележа колоний между способными к управлению государствами, в том числе и Германией, и т. д.

На взглядах Бекстона не приходится долго останавливаться — это характерный белый колонизатор, считающий себя призванным «облагодетельствовать» «низшие» расы.

Всей своей колониальной философией Бекстон и солидаризирующийся с ним Войтинский несколько не отличаются от импе-

риалистической Лиги Наций. Последняя тоже мотивировала свою колониальную политику стремлением облагодетельствовать народы, «которые при исключительных современных условиях еще не в состоянии действовать самостоятельно»¹.

Истинные демократы II Интернационала вносят святые принципы равенства и в колониальный вопрос. *Равное право всех империалистов, в том числе и Германии, на грабеж колоний.* Это проповедует Бекстон, об этом велеречиво повествовал Филипп Сноуден, это поддерживает и Войтинский.

Теория равенства прав всех империалистических держав на колонии не нова. Уже на Иенском партийном съезде германской социал-демократии в 1911 году была выдвинута эта теория. Германские реформисты плакались тогда на то, что германский империализм находится на задворках мирового империализма и что ему достаются лишь обеды с общего стола. Отсюда германские социал-империалисты делали вполне логичный вывод о необходимости поддержки правительства в его политике колониальных захватов.

Эта же теория равных прав на эксплуатацию колоний представляет собой теперь краеугольный камень всего величественного здания Пан-Европы, возводимого II Интернационалом.

Колониальный вопрос занимает огромное место в «желаниях, рождающих мысль» о Соединенных Штатах Европы.

Войтинский не скрывает для чего необходима «интернационализация колониального хозяйства». Он пишет:

«Интернационализация колониального хозяйства и политики Европы диктуется всем историческим развитием, как средство предотвращения колониальных эксцессов и колониальных конфликтов. Без такой интернационализации европейским народам угрожает потеря колоний» (стр. 158).

Вот, где собака зарыта!

Известный ратный дел мастер Войтинский боится «колониальных эксцессов»! Если расшифровать это интеллигентное выражение, то получится весьма простая картина.

Отдельным европейским государствам не справиться с колониальными «эксцессами», т. е. национально-революционным движением в колониях.

¹ Понятно, что ни Лига Наций, ни Бекстон, ни Войтинский не удосужились подумать о том, что следовало бы спросить мнения по этому вопросу и самих тех народов колоний. В ответ на такое предложение несомненно последовали бы указания на некультурность колониальных народов, на великие культуртрегерские обязанности, возложенные историей на европейские народы и прочую империалистическую дребедень.

Характерно, что подобная политика опекунов проводится социал-демократией не только в отношении «диких» азиатов и африканцев, но и европейских народов рангом поменьше.

Блестящей иллюстрацией к этому может послужить дискуссия, развернувшаяся на конференции германской и австрийской партии в январе 1916 г. в Берлине. Эта конференция была посвящена злободневному тогда вопросу о таможенном сближении Австро-Венгрии и Германии.

Докладчиком выступал Рейнер, предлагая создать таможенное объединение, включив в него Балканский полуостров и Турцию. Тогда представитель левой оппозиции Мейер указал, что не мешало бы опросить сербов и черногорцев и в особенности с. д. этих стран—хотя ли они вступить в этот таможенный союз.

Известная часть конференции удивилась этому «странному» вопросу. Мейер ответил: «Вниманье к интересам рабочих других стран до сих пор не считалось «странным». Выступление Мейера было охарактеризовано как «черногорский партикуляризм».

Таким образом Войтинский имеет за собой порядочную колониальную традицию разлагающейся социал-демократии.

А посему европейские империалисты должны совместными усилиями «образумить» колонии. План действий по Войтинскому следующий: Лига Наций дает Европейским Соединенным Штатам один мандат на две колонии, а Е. С. Ш. уже распределяют «отдельные части цветных континентов» между своими членами или группами членов.

Тут в стройном плане Войтинского получается некоторая «неувязка». Выходит, что колонии снова прикрепляются к отдельным государствам, а интернационализация колоний будет, повидимому, заключаться в совместном подавлении колониальных «экспессов».

Так выглядит теория интернационализации колоний — этот один из китов, на которых держится воздушный замок Пан-Европы.

Пошлость и эфемерность всей теории не нуждается в особой критике. Во всей этой теории Войтинского нет ни грама оригинальности. Все его откровения позаимствованы из теоретической заваля таких заядлых оппортунистов, как немец Гергард Гильдебрандт, исключенный в свое время из социал-демократической партии за защиту империализма.

Ленин в «Империализме» цитирует Гильдебрандта, который проповедывал «Соединенные Штаты Западной Европы» (без России) в целях «совместных» действий против... африканских негров, против «великого исламистского движения» и т. д.

Но то, за что исключали из старой, еще не переродившейся социал-демократий, стало высшей добродетелью ее оппортунистических эпигонов.

А ведь сравнительно еще так недавно (во время войны) столь умеренный революционер, как Карл Каутский, критикуя книгу Наумана «Mitteleuropa» (Средняя Европа), указывал, что:

«Тенденция к объединению различных народностей в одну мировую империю, обнаруживающаяся в наше время, проявляется только в колониальной политике в виде захвата областей, остающихся политически бесправными».

Но времена меняются, и мы меняемся вместе с ними.

Войтинский забыл Каутского даже военных лет и вместе со своим «почтенным» учителем смело перешагнул Рубикон, отделявший их от чистой апологетики империализма.

Войтинский — трубадур английского империализма

Нельзя сказать, чтобы *всегда и во всем* вожди II Интернационала страдали *национальной ограниченностью*, бывают времена и вопросы, когда они проявляют своеобразный *интернационализм*. Это происходит тогда, когда дело касается защиты интересов *чужой буржуазии*, буржуазии другого империалистического государства, во имя сохранения *всей* капиталистической системы.

В эти трогательные минуты англичанин Филипп Сноуден беззаветно борется за право Германии на колонии, а его тезка немец Филипп Шейдеман — за право Англии на большинство акций предприятий Юнкера. Наибольшими симпатиями Женевских «интернационалистов» пользуется английский империализм. Эти симпатии особенно рельефно выделяются в книге Войтинского.

Войтинский с упоением лижет сапог британского империализма. Захлебываясь от восторга, воспекает трубадур из II Интернационала доблести своего сюзерена.

Читая отдельные строки у Войтинского, посвященные великой культурной роли Англии, трудно понять: издевается ли Войтинский над Англией... или над самим собой.

А впрочем, предоставим судить самому читателю:

„Англия создала свою великоленную, импонирующую мировую державу от имени Европы, ее культуры, ее техники, ее славы (Ansehen). Как улономоченный (Mandatar) далекой Европы, шла она в Индию, Африку, Австралию, Америку. Пусть дорога в эти страны, — как все пути колонизации, — была уложена (gepflastert) насилем и преступлением, но Англия там совершила немало великого, творила дела, которыми она может гордиться, — она построила самые свободные республики мира там, где без ее влияния еще сегодня происходила бы вечная война между дикими племенами (курсив наш—Д. Б.)“.

Англия построила самые свободные республики мира? До этого может додуматься лишь меньшевистский кретин.

Где же эти свободные республики, созданные Англией? Не в Индии ли, этой жемчужине английской короны, где правит английский вице-король и где величайшая мудрость политики — это старый лозунг: «Divide et impera» (разделяй и властвуй), во имя которого стравливаются в постоянные войны мусульмане и буддисты? Не в Китае ли несет Англия «самые свободные республиканские» идеи на мачтах своих крейсеров и жерлах ее пушек?

Войтинский из кожи лезет вон, стремясь доказать необходимость для Европы вступления Англии в Соединенные Штаты. Он выступает в качестве оппонента буржуазного теоретика Куденгоф-Калерги, который мыслит Пан-Европу без Англии.

Куденгоф-Калерги против включения Англии в Пан-Европу, так как доминици не потеряют, чтобы Англия вступила в другую систему государств. Войтинский возражает против этого. Он не верит в распад Британской империи; это выдумали ее враги. Он же, Войтинский, как преданный друг королевства его величества Георга V, считает своим долгом опровергнуть это.

„Англия, — пишет он, — образует мост между Европой и остальным светом. Это положение полно опасностей и трудностей, — недаром Британская империя за все время своей вековой блестящей истории не выходила из друга сменяющихся кризисов и никогда не отказывала своим врагам в сомнительном утешении — надеяться на скорое падение владычицы морей“.

Отсюда мораль: никаких особых кризисов Англия не переживает, никакого распада нет. Все это было, есть и будет. Одним словом, «Rule Britannia» (Властвуй, Британия).

Глубочайший хозяйственный кризис Англии, имевший своим следствием забастовку горняков, миллионная армия безработных; распад империи, которого не скрывают даже буржуазные политики Англии, распад, получивший свое наглядное отражение на последней имперской конференции, — все это для нашего «ученого» экономиста, охваченного пафосом прислужничества, лишь обычные, нормальные явления, вызываемые своеобразным географическим положением Англии.

Не только сейчас нет распада Британии, но это ей и не угрожает в будущем, и потому возражения Куденгофа неосновательны. Англию необходимо втянуть в Пан-Европу, — надрывается Войтинский и приводит в доказательство пять оснований.

Основание 1. „Англия является мостом между континентальной Европой и остальным миром. Отрезать Европу от Англии означает затруднить связи Европейского союза с теми тропическими странами, без которых невозможно экономическое развитие Европы“.

На обычном языке это означает, что без Англии, имеющей столь блестящий опыт в колониальном деле, Европе не справиться с колониями и «экспессами» в них.

Основание 2. „Участие Англии в Европейском союзе увеличивает его хозяйственную и финансовую мощь и, кроме того, представляет собой опорный пункт для всех здоровых демократических сил союза“.

Реакционнейшая страна Европы, жандармы не только европейского, но и всех материков в роли опорной базы демократии! Можно себе представить эту «здоровую демократию» Пан-Европы!

Основание 3. „При создавшихся после войны условиях континентальная связь Европы без Англии будет в течение долгих лет представлять арену для германо-французской дуэли. Англия гарантирует мир в союзе“.

Трудно было предполагать такое обилие добродетелей у английского империализма! Однако, и здесь усердствующий трубадур раскрывает свои карты. Основной задачей традиционной английской политики на континенте было создание некоторого равновесия держав под наблюдением и руководством Форин-Оффиса (английского министерства). Вся Локарнская комедия имела целью поставить отношения европейских держав под контроль Англии. Локарнская авантюра закончилась весьма печально в Женеве, а германо-французское сближение еще больше помешало осуществлению английской политики европейского суперарбитра.

Теперь эту же задачу Форин-Оффиса пытается Войтинский протащить через Пан-Европу под предлогом, что без Англии Франция и Германия раздерутся. Веселенькое братство народов, члены которого без английского жандарма вцепятся друг другу в волосы.

Основание 4. Оно по сути повторяет основание о том, что без Англии нельзя разрешить колониальной проблемы.

И, наконец, основание 5. „Союз европейских наций без Англии грозит превратиться в союз против Англии“.

Этого Войтинский чрезвычайно боится.

В чем смысл и движущие силы всей ахинеи, которую здесь несет Войтинский? Ларчик просто открывается.

Пан-европейское движение, поскольку оно существует, в известной мере направлено против Англии. Английская буржуазия отлично понимает, что ни о каких Соединенных Штатах Европы не может быть и речи. Но поскольку такая идея пропагандируется французской и германской буржуазией и используется для укрепления своего политического влияния в Европе, Англия считает своим долгом вмешаться. Черновая, подготовительная работа поручается меньшевистским адвокатам. Это объективный смысл выступления Войтинского!

Войтинский дауэсзирует СССР

В своих неуспешных заботах о благе человечества Войтинский не забывает и о нашей грешной стране. Он выступает горячим защитником включения СССР в Соединенные Штаты Европы. Это, уверяет Войтинский, будет весьма полезно и для СССР и для С. Ш. Европы.

Какую же роль приуготовливает Войтинский Советскому Союзу в столь почтенном сообществе европейских империалистических держав!

СССР должен стать сырьевой колонией Пан-Европы. Страны Западной и Центральной Европы плюс колонии, указывает Войтинский, обладают в достаточной мере железом, углем, цветными металлами, лесом и водной энергией. Им не хватает лишь сельскохозяйственных продуктов и жидкого минерального топлива.

„Объединение с СССР даст индустриальному Западу недостающие ему сельскохозяйственные продукты и прочее сырье, открывает ему беспредельный рынок для сбыта своей промышленной продукции и уничтожает зависимость Европы от отдельных заокеанских рынков“.

Такова идиллия, творимая пером меньшевистского борзеписца!

Но блестящая перспектива колонизации СССР европейским капиталом, нарисованная Войтинским, является чистейшим плагиатом. Подлинным автором этой теории является безызвестный доктор Ганс фон-Эккардинг, изобретший план Дауэса для СССР. В этом плане буквально то же говорится, что в проекте Войтинского. Тут и сырьевая база, и сбыт европейских товаров, и т. д., и т. д.

Меньшевистский теоретик перепевает реакционного журналиста, выдавая эти песнопения за величайшие достижения демократической симфонии. Самое характерное то, что Войтинский пытается кого-то убедить, что весь этот отвратительный план колонизации СССР... выгоден и для последнего.

СССР имеет все предпосылки к бурному хозяйственному развитию по типу Америки. Но Советский Союз не имеет капиталов, беден техническими знаниями и организационными традициями, а посему:

„Вся будущность России зависит от того, удастся ли ей вступить в круг европейской культуры и хозяйства“.

Все плохое, что имеется в СССР, как-то: грубость, презрение к человеческой жизни и личной свободе, голое насилие, — все это от Востока. А вот настоящий луч культуры грядет с Запада.

Ex occidente lux.

Характерно это презрение и даже ненависть к Востоку, которая сквозит во всех lamentациях нашего «западника». Он спасает русское искусство, русскую литературу, русскую науку из когтей зверского, грубого Востока. Эти строки Войтинского заставляют вспомнить о статье члена швейцарского национального совета социал-демократа С. Зигга, напечатанной в «*Neue Zeit*», не то в 1915 году, не то в 1916 году. Зигг писал там о «Среднеевропейском союзе и Швейцарии». Он выступает в этой статье защитником «сверхгосударственной организации для всей Европы», которая должна будет «*отстоять свою культуру против напора народов Востока, пробуждаемых капитализмом от мифоведческой спячки*».

Повидимому этой же боязнью наступления пробуждающегося Востока на культуру капиталистического Запада обуян и Войтинский. Он опасается, как бы и СССР не явилась бы авангардом этого наступления. Каутский совсем не плохо возразил тогда Зиггу, указав, что:

«До сих пор, как нам известно, только Европа угрожала китайской и индусской культуре, но не наоборот. Пока нет никаких данных в пользу того, что Индия, Китай, Япония и страны ислама когда-либо совершат нашествие на Европу, если окрепнут под влиянием капитализма и будут способны на самостоятельное воин-

ственное выступление. Между ними будет тогда так же мало единения, как было и вероятно будет в Европе, покуда в ней будут господствовать капиталистические интересы».

Ответ Каутского Зигу можно не без успеха применить и к западническим рассуждениям Войтинского на тему о том, как бы «восточному теляти капиталистического волка не поймать».

«Сближение с Европой означает для России культурный прогресс, отчужденность от Европы, застой, регресс, реакцию».

Так старается честный маклер Доунинг-Стрита соблазнить СССР войти в «культурное общество» европейских грабителей.

Возможно ли вступление СССР в Пан-Европейский союз?

С делающей ему честь проникательностью Войтинский предвидит возражения. Возражения эти двух порядков:

1. Как могут в рамках единого союза уместиться два противоположных принципа экономической политики, а именно частнокапиталистический и советский?

2. Как сможет СССР с ее искусственно поддерживаемой индустрией открыть границы для европейских фабрикатов?

Тут начинаются аналитические потуги Войтинского по части экономики СССР, по своей глубине и содержательности не уступающие всем его прочим теоретическим перлам.

Войтинский успокаивает европейскую буржуазию, просвещая ее насчет основ русской экономики:

«Экономика СССР представляет собой связь частнокапиталистического сельского хозяйства с промышленным госкапитализмом. Госкапитализм олицетворяется организованными на коммерческих началах, формально независимыми трестами, которые в своих верхушках объединены государственными (бюрократическими) комиссиями, которые должны проводить „плановое хозяйство“».

Коротко и ясно:

У Перуна мысли быстры,
Что захочет — так сейчас,
Сыплет искры, мечет искры
Из зрачков сверкнувших глаз.

Наш меньшевистский Перун... «враз откатегорил всю систему» и приходит к выводу, что:

«В конце концов структура советской индустрии хозяйственно ничем особенно не отличается от промышленного строительства какой-либо капиталистической страны».

Все как-будто благополучно, да «забыли про овраги, а по ним итти». В роли оврага выступает *монополия внешней торговли*.

Система монополии внешней торговли является для *заграничной* буржуазии таким же жупелом, как чека для *внутренней*. Против нее ополчился весь мировой империализм, сокрушить ее стремится буржуазия всех стран. Как же с ней быть? Ведь при наличии монополии внешней торговли трудненько будет превратить СССР в колонию.

Но Войтинский и тут находится. Он дает пространное объяснение, что монополия внешней торговли не является системой, приемлемой определенным политическим режимом. И абсолютная монархия и демократическая республика могут в исключительных случаях применять систему монополии внешней торговли. Не здесь, конечно, место разяснять нашему меньшевистскому горе-марксисту разницу между монополией капиталистической и монополией социалистической. Да и он сам это прекрасно знает и притворяется лишь для обмана своих доверчивых клиентов.

Но все же монополия внешней торговли и свобода торговли, за которую так распинается Войтинский, все же «несколько» противоречат друг другу. Это вынужден признать и сам Войтинский.

Войтинский начинает убеждать СССР. Монополия внешней торговли, — убеждает он, — это *самоблокада*, мешающая развитию наших связей с границей. То ли дело, когда из свободной Пан-Европы в СССР потекут капиталистические товары, наши фабрики закроются, доявится массовая безработица. Зато мы сблизимся с европейской культурой.

Дальше Войтинский с весьма осведомленным видом (откуда эти сведения, не из Скотланд-Ярда?!) сообщает, что «кремлевское правительство» склонно смягчить монополию внешней торговли, превратив ее в «систему государственного регулирования ввоза и вывоза».

И с этим Войтинский уже примиряется. Войтинский надеется, что СССР войдет в Пан-Европу, правда, не так быстро, как остальные европейские государства, и с большими трудностями, но войдет.

Политика же Европейского союза в отношении СССР будет политической открытой дверью, так же, как «Лига Наций в отношении Соединенных Штатов Северной Америки и России и Амстердамский Интернационал профсоюзов в отношении русских профсоюзов (?!)».

Так мыслит Войтинский взаимоотношения СССР с мифической Пан-Европой.

Да не посетует на нас читатель, что мы местами как-будто серьезно обсуждаем отношения СССР и Пан-Европы, как-будто веря в возможность осуществления последней.

Это объясняется тем, что мы хотим подробнее осветить роль меньшевика Войтинского в общей политике вовлечения СССР в организацию европейской буржуазии. Эта политика проводилась буржуазией в отношении вступления СССР в Лигу Наций, теперь ее меньшевистские прислужники продолжают эту линию в отношении Пан-Европы.

Ну-с, хорошо, представим себе на минуту, что Пан-Европа не плод большого воображения нацифистских интеллигентов, а реально существующий факт. Имеется уже даже этакий всеевропейский синодрон, где заседают капиталистические мудрецы. По мнению социал-демократа Войтинского, Советскому Союзу необходимо войти в этот синодрон, послать туда своих представителей и подчиниться решению большинства. Каковы будут эти решения, можно себе заранее представить по щедрым обещаниям Войтинского.

Неужели же Войтинский думает, что во всем СССР найдется хотя бы один рабочий или крестьянин, который согласился бы на эту комбинацию?

Поистине, кого бог захочет наказать, того он посылает в эмиграцию!

Войтинский завоевывает „души“

Последняя глава книги Войтинского носит громкое название «Объединение Европы и рабочий класс». В этой главе можно было надеяться, исходя из всей архитектоники книги, найти анализ тех благ, которые несет Пан-Европа рабочему классу, и тактику последнего в этом вопросе. Однако, Войтинский, парящий в высотах гениальных планов переустройства *всей Европы*, уделяет послед-

ней главе книги всего лишь 8 страниц, при чем из этих 8 страниц примерно только половина посвящена непосредственно теме.

Быть может, это объясняется тем непочтительным равнодушием к Пан-Европе, которое, по признанию самого Войтинского, проявляет большинство рабочего класса.

„Нужно согласиться с тем“, — пишет Войтинский, — что пролетариат в своем большинстве не обращает на проблему будущего Европы того внимания, которое следовало бы ожидать от класса, призванного историей решить этот вопрос“.

Действительно, обидно, — плачется Войтинский, — пролетариат занимается всякими маленькими делами, в роде борьбы за повышение зарплаты, уменьшение рабочего дня, удешевление хлеба; даже проблема социализма близка пролетариату. А вот Пан-Европу пролетариат чего-то не жалуется.

Этого так оставить нельзя, социалистическим партиям нужно со всей решительностью взяться за *«внедрение этого нового лозунга в души широчайших рабочих масс»*. Тем более, что —

„Лозунг Соединенных Штатов Европы — это общий, объединяющий лозунг внешней политики пролетариата. В нем находит свое выражение отношение к таможенным тарифам и торговым договорам, дипломатическим комбинациям конвенциям, союзам, к Лиге Наций и Интернациональному Бюро Труда, к лихорадочному вооружению и пацифизму. Этот лозунг представляет собой общую ориентировку внешней политики рабочих партий Европы“.

И, несмотря на всю универсальность этого лозунга, рабочие его не приемлют. В чем же дело? А дело в том, что рабочие Европы отлично видят, что лозунг Пан-Европы — очередной «блеф» социал-демократии; что нигде и никто не думает о действительном объединении Европы и наступлении библейского рая на земле; что противоречия, существующие в послевоенной Европе, являются непреодолимым препятствием пан-европейским попыткам пацифистских дурачков и социал-демократических Иудушек.

Самое же главное, что даже и осуществленная Пан-Европа может принести рабочему классу, лишь более усиленную эксплоатацию и *«обединенное»* наступление *«всей буржуазии»*. Этим объясняется равнодушие широких рабочих масс к пан-европейскому кликушеству II Интернационала. Этим же объясняется скудность мысли и слов в последней главе книги Войтинского.

Столь щедрые на обещания меньшевики не могут ничего даже *«обещать»* рабочим, агитируя их за Пан-Европу.

Ведь в самом деле, чем пытается соблазнить Войтинский рабочих, призывая их бороться за Пан-Европу?

В первую очередь, как мы уже указывали в самом начале статьи, это спекуляция на подлинном пацифизме широких рабочих масс. Но никаких гарантий миролюбия будущей буржуазной Пан-Европы Войтинский не приводит. Согласимся на минутку, что *«внутри»* Пан-Европейского союза будет «тишь и гладь — божья благодать», а где гарантия, что не будет войны с СССР, с «эспессами» в колониях, с Соединенными Штатами Северной Америки?

Дальше следует второй довод — Пан-Европа означает *«развитие производительных сил»* Европы. Предположим, что это так, но за чей счет произойдет это развитие производительных сил, какие реальные блага это принесет рабочему классу, — об этом Войтинский благоразумно умалчивает.

С особенным восторгом и подчеркиванием приводит Войтинский третий довод в пользу Пан-Европы — *«регулирование миро-*

вого хозяйства и овладение слепой игрой экономических сил, плановым и сознательным вмешательством человеческой воли.

Уже и сейчас, полагает Войтинский, происходит некоторое регулирование экономики трестами, картелями и банковскими концернами, в Пан-Европе это регулирование станет интернациональным, под контролем парламентов.

Что такое регулирование, проводимое трестами, и что это регулирование несет рабочему классу — достаточно известно германская современность являет нам довольно яркие примеры этого. В Пан-Европе же это регулирование остается в тех же руках капиталистических концернов, правда, еще более мощных, под контролем буржуазных парламентов¹. Приводя все это, Войтинский делает невинное лицо и спрашивает:

„Нужно ли здесь еще говорить о том, какое огромное, глубокое значение имеет это изменение с точки зрения приближения рабочего класса к осуществлению своего идеала?“

Повидимому, между идеалами рабочего класса и идеалами Войтинского дистанция огромного размера. *Рабочий класс ведет борьбу за освобождение из-под власти финансового капитала, меньшевик же Войтинский зовет пролетариат помочь укрепиться тузам лондонской и парижской биржи.*

Войтинский пытается и наметить тактику пролетариата в этой стратегической задаче. Пролетариат должен наметить себе союзников из «других социальных групп».

Кто же должен явиться таким союзником, по мнению Войтинского? В первую очередь, это «фритредерские» группы буржуазии. Они, по мнению Войтинского, пафистски настроены и их методы и язык немногим отличаются от социал-демократических, тем более, что имеется «идентичность ближайшей цели».

Таким образом, у социал-демократии имеется «идентичность ближайшей цели» с торговой буржуазией Европы, и союзником пролетариата должны явиться Луссер, Эррио, Маркс (германский премьер), Ллойд-Джордж и другие буржуазные политики, выступающие сторонниками Пан-Европы.

Почтенная компания для социал-демократии?!

Не забывает Войтинский и о *крестьянстве*, и оно является союзником пролетариата на великом пути завоевания Пан-Европы. Крестьяне тоже заинтересованы в Пан-Европе, с точки зрения отмены таможенных пошлин, увеличения производительных сил Европы и рационализации производства. Пролетариат поэтому должен использовать лозунг Пан-Европы для завоевания «души крестьянина».

Одним словом, чего только нет в теоретической сокровищнице нашего меньшевистского пан-европейца — и блок с буржуазией и смычка с крестьянством, планирование мирового хозяйства, — словом, как на Сорочинской ярмарке: «Що боже ты мий, господе! Чого нема на тий ярмарци! колеса, скло, деготь, тютюн, цибуля, крамари всяки... так, що хоть бы в кишени було рублив и с тридцять, то й тоди б не закупив усий ярмарки».

Одного только не сыщешь у нашего марксистствующего корабейника — *социализма*. Повидимому, чтобы не отпугать своих

¹ Это, понятно, не меняет известного положения, что «устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, оправдывающих капитализм во что бы то ни стало» (Ленин — «Империализм»).

идейных союзников из лагеря Лушера, «*roug ne pas épalter les bourgeois*». На протяжении всей книги не вспоминается не только о социалистических Соединенных Штатах Европы, но и о социализме, как таковом.

До сих пор меньшевики имели обыкновение хотя бы из марксистской вежливости делать несколько реверансов прекрасной даме отдаленного будущего — социализму. Войтинский освобождается от этих пут ненужных условностей и конечной целью борьбы рабочего класса выдвигает вместо социализма *Пан-Европу*.

В этом отношении книга меньшевика Войтинского является весьма выразительным документом эпохи, ознакомиться с которым не мешает каждому рабочему.

Пан-Европа — организация буржуазных Соединенных Штатов Европы, имеющая целью укрепить загнивающий капитализм за счет повышенной эксплуатации рабочего класса и колониальных народов — становится конечной целью мировой социал-демократии. К этой цели она идет в тесном союзе с буржуазией, поддерживая все ее махинации, в частности, подготовку наступления на СССР.

Н. Ф.

На новом этапе

(О китайском комсомоле)

У колыбели комсомола. Первые организации кит. комсомола возникли не в недрах рабочего класса, а из левого крыла национально-освободительного движения. Застрельщиком борьбы за полную национальную независимость, за суверенитет Китая, за уничтожение неравных договоров, силой навязанных поднебесной империи империалистическими государствами, за передачу таможен, дающих возможность регулировать и контролировать китайскую национальную промышленность, в руки Китая и т. д. и т. п., несколько лет тому назад являлось студенчество. На фоне политической раздробленности Китая, при слабых экономических крепях, при отсутствии сильных политических партий, при замене их политическими кликами, обслуживающих узкие эгоистические интересы отдельных лиц, групп предпринимателей и политиканов (ГМД до реорганизации носил, главным образом локальный, южный, гуандунский характер, хотя и имел свои филиалы в Среднем и Северном Китае, но до 1924 года существенной роли здесь не играл), студенчество, объединенное в свои массовые корпоративные организации и учреждения, представляло в период 1919—1925 гг. серьезный общественный фактор китайской общественности. Правда, на ряду со студенческими союзами существовали такие экономически сильные организации, как коммерческие палаты — органы китайской торговой и промышленной буржуазии, но вследствие слабого экономического развития Китая они носили локальный характер и нередко переплетались своими интересами с местными дудзюнами-милитаристами, неспособны были подняться до общенациональных задач, ни, тем более, до борьбы за общекитайские интересы. Положение китайского студенчества, в своей массе поставляемого средней и мелкой буржуазией, помещиками и джентри (крупные тузы посылают своих детей учить за границу в Америку, Англию), далеко незавидное. Китайский рынок труда насчитывает десятки тысяч безработных, окончивших колледжи и высшие учебные заведения. Тысячи окончивших инженеров, химиков, медиков не находят возможности приложения своих рук, для использования своих специальных знаний. Такая же перспектива стоит и перед каждым вновь окончивающим университет. Фискально-колониаторская политика империалистов, владеющих командными высотами китайской экономики, феодальные пережитки, политическая, административная, финансовая раздробленность, грабеж милитаристов, экспроприация всеми китайской деревни, что ведет к крайнему сокращению внутреннего рынка, и т. п., до крайности стесняют, тормозят развитие производительных сил Китая. Вот почему китайское студенчество, почувствовав на своей спине «неравноправность Китая», питало ошно-

зиционные и революционные настроения к существовавшему «порядку вещей», выступив зачинщиком борьбы за национальное освобождение, направив в 1919 году первые свои стрелы против японского империализма, захватившего Шандун — одну из богатейших провинций Китая, и против Версальской конференции, санкционировавшей этот захват. Четвертомайское выступление 1919 года, организованное студенчеством, имело много внешних фейеричных эффектов, сопровождавшееся призывом к бойкоту иностранных товаров, требованием отставки кабинета министров, сжиганием их домов, самоубийствами, как формой протеста и т. п., не получило поддержки широких рабочих и крестьянских масс, участие которых можно бы придать этому выступлению действительно революционный характер. Поэтому и реальные результаты этого выступления оказались незначительны. В лагере участников «4-го мая» началось разложение. Одни из разочаровавшихся бросили «политику», занялись самонаслаждением, бросились в сексуализм. Появилась своеобразная арцыбашевщина. Переведенный на китайский язык «Санин» Арцыбашева сделался своего рода знаменем, библией этого рода студенчества. Необходимо отметить, что первой формой реакции китайского студенчества является отказ от всякой общественной жизни и увлечение сексуальными проблемами. Немалым показателем отхода студенчества от революции является рост сексуальной литературы, имеющей своим читателем главным образом студенчество. Например, «Санин» в этом году уже вышел в 57-м издании. Издается масса периодических и неперiodических изданий на сексуальные темы с тиражом, побивающим другого рода издания.

Другие из разочаровавшихся в «тишности своей борьбы при молчании племса» ударились в академизм, интеллектуальное самосовершенствование для подготовки из себя «нового человека». Третьи призвали итти «в народ», заняться просвещением и культурным воспитанием китайского народа, что бы сделать его способным к восприятию «новых идей». Четвертые стали прислушиваться к гулу жестокой классовой борьбы, которая захватила всю Европу, и главным образом к великому соседу Китая — Советскому Союзу. Под влиянием Октябрьской революции, под влиянием революционных взрывов, прокатившихся по Европе в 1917—20 гг., эта часть китайского студенчества схватилась за идейные знамена европейских революционных движений — за социалистические теории. Социалистические теории получили широкое распространение. Создавалась масса социалистических организаций. Стали издаваться специальные журналы, посвященные пропаганде социализма и марксизма. В китайском лево-студенческом движении нашли отклик и такие «допотопные» теории, как бланкизм, прудонизм, гильдейский социализм и такие, которые являются «последним словом» классовой борьбы, как революционный марксизм и ленинизм. Наиболее деятельные и активные элементы этого «социалистического» крыла студенчества не ограничились одним академическим изучением социализма, они бросились в рабочие и крестьянские массы для организации их и пропаганды своих идей. Вот из этих-то активных элементов и возникла в 1920 году «Лига Социалистической Молодежи», объединявшая одно время до 4.000 членов. Эта Лига была далеко неоднородная по своему направлению, так как в нее входили и анархо-синдикалистские, и народнические, и марксистско-ленинские элементы, что не обе-

спечивало ее действенности и успешности работы. Скорее всего она представляла из себя дискуссионные клубы, чем активно работающую революционную организацию. Создание кит. компартии, сильное влияние русской революции усилили и укрепили марксистско-ленинское крыло настолько, что оно, получив в 1922 г. большинство, с успехом реорганизовало Лигу в Коммунистический Союз Молодежи Китая, выкинув представителей мелкобуржуазной революционности и людей фразы. Первый съезд КККСМ, имевший место в мае 1922 г., выкинул не только общенациональные и демократические лозунги, но и лозунги борьбы за улучшение положения рабочей молодежи, как-то: 1) 6-часовой рабочий день для подростков до 18-летнего возраста; 2) запрещение применения детского труда до 12-летнего возраста; 3) установление нормального еженедельного отдыха; 4) запрещение для подростков ночных и вредных работ и т. д., и т. п., чем пытался опереться на пролетарскую молодежь, а пока что имел в своих рядах только единицы рабочей молодежи.

Первые шаги. Первыми шагами китайского комсомола были: расширение сети своих организаций и пропаганда коммунистических идей среди молодежи. Этот период характеризовался чрезвычайно сильными отрывками сектантства и кружковщины. Поставленная первым съездом задача о подведении пролетарской базы под комсомол выполнялась очень медленно и слабо. Так, например, в начале 1925 года после почти 3-летней работы со времени I съезда социальный состав комсомола представлял следующую картину: 2.352 члена, из которых 65% студентов, 10% торговцев и около 20% рабочих. Рабочий класс для КККСМ того времени являлся еще абстрактной величиной. Если кто и шел в рабочие массы и вовлекал их, так главным образом через политические лозунги. Подойти к рабочей молодежи с конкретными, близкими ей вопросами не умели. КИМУ неоднократно приходилось «открывать» рабочий класс перед различными комсомольскими организациями Китая. «Хожение в народ» хотя и практиковалось среди передового студенчества, но оно не находилось под руководством КСМ и организационно слабо оформлялось. В содержании работы деревенских пропагандистов превалировала культурническая и политическая агитация.

Основным содержанием работы комсомола была работа среди студенчества и развертывание анти-христианского движения. Работа среди студенчества выражалась в создании и оформлении студенческих организаций—студенческих союзов. Нельзя не отметить, что все вновь возникавшие студенческие союзы создавались по инициативе комсомольцев. Другой важной задачей, выполнявшейся комсомолом, и притом недурно выполнявшейся, являлся перевод студенческого движения на политические рельсы, на платформе гоминдановских принципов.

Ведь в студенческом движении были самые разнообразные тенденции: националистическая, культуртрегерская, социалистическая, либерально-буржуазная и кончая лево-анархическими. Подвести под студенческое движение гоминдановскую политическую платформу, это значило дать обобщение, политическое направление этого движения, идейно спементировать и вооружить его в борьбе против реакционных сил Китая, империалистов и их контр-агента Христианского Союза Молодых Людей. Эта чрезвы-

чайно важная и необходимая работа для прошлого этапа комсомолом была успешно проделана.

Анти-христианское движение, захватившее десятки, если не сотни тысяч студенчества, целиком и полностью руководилось кит. комсомолом. Это движение, широкой волной охватившее Китай в течение 1923—1925 гг. и закончившееся в этом году серьезной победой (верно, еще не закреплённо) поголовным бегством из Китая иностранных миссионеров, фактически было направлено прямо против империалистов, против их культурной интервенции, идеологически овеявшей господство и рвачество иноземцев. О том, что это так, за это говорят сотни жертв этого движения, павших от руки китайских милитаристов, инспирированных иностранцами. За это же говорят и новые данные, выражающиеся в том, что одним из условий признания иностранцами Нанкинского и Уханского правительства является признание с их стороны духовной конвенции, права на свободу религиозной пропаганды в Китае и неприкосновенность церковных и христомальчишеских учреждений. Идущие на стовор с иностранными империалистами Чан-Кай-Ши и Евгений Чен дали от имени своих правительств согласие.

Если в новом этапе и будет иметь место анти-христианское движение, то оно уже будет направлено и против соглашательской компромиссной иностранной политики правительств буржуазной контр-революции.

Выступление пролетариата. Выступление Шанхайского пролетариата, расстрел 30 мая 1925 г., 15-месячная забастовка гонконгских рабочих сыграли громадную историческую роль в деле развертывания национально-революционного движения в Китае, в деле раскачки крестьянских масс. Важнейшими результатами этих событий являются, во-1-х, выступление пролетариата на арене национально-революционной борьбы, как застрельщика, как основной силы, как гегемона национальной революции, способного повести за собой широчайшие массы трудящихся и мелкой буржуазии; рост его влияния и организованности; во-2-х, разложение старо-милитаристических группировок, развязывание национально-освободительного движения под гоминдановскими лозунгами, укрепление кантонского правительства и его баз; в-3-х, начало дифференциации в национально-освободительном движении, начало идейного и организационного откола части китайской буржуазии от революции; в-4-х, начало создания боевых крестьянских организаций—крестьянских союзов.

На фоне этих событий и перегруппировки классовых сил комсомолу пришлось развертывать свою работу, носившую в большей своей части общеполитический и общепартийный характер, что было совершенно неизбежно в силу крайней ограниченности коммунистических сил в Китае и тех громадных запросов, которое предъявляло им разрознившееся движение. Также необходимо учесть, что комсомол был более разветвленной организацией, чем партия. В этот период комсомол не ослаблял своего руководства и влияния на студенческое движение, а, наоборот, вовлекая его в активную анти-империалистическую борьбу, подтягивая и организуя широкие слои распыленной городской мелкой буржуазии, крепя единый национальный фронт, сумел подойти, внедриться в гуацзю рабочего класса, связаться с рабочей молодежью, организовать ее и поднять на борьбу. За это время комсомол проделал

громадную работу по организации рабочих масс, научился говорить их языком, оформить их требования. В этот период, хотя полностью и не использовав всех возможностей, комсомол значительно вырос и вырос за счет рабочей молодежи. Так, например, к концу 1925 года в рядах комсомола уже насчитывалось более 6.500 членов, из которых на долю рабочей молодежи падало уже 30%. По мере развертывания рабочего движения и усиления его политической роли комсомол, все прочнее, тверже опираясь на свою классовую базу, превращался в массовую пролетарскую, не по духу и программе, а по составу организацию и не потерял этой связи и опоры даже тогда, когда репрессии до чрезвычайности затрудили открытую работу в рабочем движении.

Здесь же необходимо отметить борьбу ККСМ за широкие массы мелкобуржуазной молодежи, которую пытались повести за собой представители национальной буржуазии в лице Тай-Ци-Тао. Тай-Ци-Тао—китайский Струве, ныне находящийся в лагере Чан-Кай-Ши—один из первых пропагандистов марксизма в Китае, активный работник ККП, порвавший с ней, выступал, как трубадур китайской буржуазии, выпустив памфлет, направленный против кит. компартии и пролетариата. Основным содержанием его брошюры, произведшей большое впечатление на студенческую молодежь, была теория о самобытности развития Китая о не необходимости прохождения ему тех же путей развития, какие прошли европейские и американские страны, об отрицании существования и места классовой борьбы. Заканчивалась же она требованием изгнания ККП из ГМД и призывом к молодежи выполнить свою мессианскую роль, освободить человечество не путем революции и классовой борьбы, а путем ассимиляции (китаизации) человечества, путем пропаганды учений древне-китайских мудрецов.

В борьбе с этой теорией, нашедшей своего вооруженного выразителя в лице Чан-Кай-Ши, комсомол идеологически закалился и оказался подготовлен к будущим схваткам и правильному занятию своих позиций на новом подъеме и в условиях измены национальной буржуазии.

На гребне революции. Новый подъем китайской революции, заполнивший период с половины 1926 года по чанкайшистский переворот, носит по истине всемирно-историческое значение. Это значение состоит в том, что этот подъем пробудил десятки миллионов рабочих и крестьян, толкнул их на активную борьбу, на самоорганизацию. С середины 1926 года с успехом Северного похода расширилась на половину Китая территориальная база революции и ее побед. Рабочий класс открыто вышел на арену борьбы, легализировал свои профессиональные организации, увеличил их численность с 300 тысяч членов до 3 миллионов, углубил борьбу за свое освобождение, за свою руководящую роль в революции, доведя в Шанхае классовую борьбу до ее высшего выражения — восстания. Не менее мощный подъем вызвал Северный поход и в крестьянстве, толкнув деревенскую бедноту, арендаторские и отчасти середняцкие массы деревни на организацию, на создание организационных центров борьбы в деревне — крестьянских союзов, численность которых к 1 мая 1927 года достигало 10 миллионов членов. Этот могучий подъем в крестьянском движении сопровождался обострением классовой борьбы в деревне, ломкой всех старых общественных и экономических отношений, подавлением

контр-революционных сил деревни, их физическим уничтожением (так, например, в одной Хубэйской провинции было казнено крестьянскими союзами около 400 помещиков, джентри и чиновников). Сплошь да рядом крестьянские союзы оформлялись и функционировали как органы власти, возглавлявшие борьбу, захват земель, аннулировавшие старые кабальные долги и сделки.

На ряду с этими громаднейшими революционными процессами происходили другие, сопровождавшиеся перегруппировкой классов, участвовавших в национальной революции, отходом крупной, средней и отчасти мелкой буржуазии, являвшейся фактически гегемоном китайской революции на прошлом этапе.

Подъем и развертывание рабоче-крестьянского движения, с одной стороны, и давление империалистов — с другой, привели к взрыву единого анти-империалистического фронта и к переходу национальной буржуазии в стан буржуазной контр-революции, что ознаменовалось реакционным переворотом Чан-Кай-Ши, перебежкой Фина и контр-революционными деяниями Уханьского правительства.

Все эти процессы нашли свое разное отражение в рядах китайской молодежи, что выразилось: а) в быстром росте активности и организованности рабочей молодежи, воздействующей и на полупролетарские слои ремесленной молодежи, которая постепенно втягивается в революцию;

б) в небывалой еще активизации крестьянской молодежи на почве развития аграрной революции, сопровождаемой вхождением широких масс этой молодежи в крестьянские союзы, вооруженные отряды крестьянских союзов и пионер-организации;

в) в резком переходе значительной части студенчества на сторону реакции, что выражается в росте и активности контр-революционных организаций, набранных, главным образом, из студенчества, как-то: «Левая Молодежь», «Партия палок», Чан-кайшистский студенческий союз и др.

На ряду с подъемом революции развивался и укреплялся китайский комсомол. Численность киткомсомола к 1 мая достигала 37.000. Удельный вес рабочей молодежи в комсомоле также увеличился, достигнув 42% всего состава союза, при снижении студенческой части до 41%. В промышленных же районах Китая, как, например, в Шанхае, в нем было 70% рабочей молодежи, в Хубэе — 60% и т. д.

В отношении роста комсомол далеко не исчерпал всех возможностей, которые благоприятствовали еще более быстрому и широкому росту, чем те, с какими союз пришел к своему IV съезду. Участие и активность рабоче-крестьянской молодежи в десятки, сотни раз превосходили ее организационное закрепление комсомолом. Также недостаточно закреплялось и идеологическое влияние комсомола, которое распространялось на широчайшие массы рабочей, крестьянской и учащейся молодежи. Поэтому этот чрезвычайно существенный пробел деятельности комсомола частично был заполнен пионер-организациями. На фоне роста активности рабоче-крестьянской молодежи, на фоне слабости экономической работы союза и ее закрытого от масс рабочей молодежи характера, при незначительности сети ячеек кит. комсомола в деревне, при их обще-политической, обще-крестьянской работе, при отсутствии специфически-юношеской работы и их легальности даже на территории Уханьского правительства, до его перехода на

нанкинские рельсы, при неучете со стороны комсомола стремления рабочей и крестьянской молодежи к массовым, открытым и отчасти военизированным организациям—стали стихийно создаваться в городе и деревне пионерские организации, прямо или косвенно, но находившиеся под влиянием КСМ. Численность пионеров к 1 мая 1927 года превышала 120.000, из них значительная часть падала на долю деревни, так, например, в Хубэе из 60.000 пионеров на долю деревни приходилось 40.000, в Гуандуне из 30.000—20.000 и т. д. Необходимо отметить, что процентов 40—50 пионеров падало на молодежь комсомольского возраста (15—18 лет).

В связи с ростом комсомола необходимо отметить, что под'ем в крестьянском движении, его удельный вес не нашел своего достаточного отражения в комсомоле, так, например, в Хунани, где крестьянское движение приняло наиболее широкие и бурные формы на 50% студентов в комсомоле приходилось только 9% крестьянской молодежи, суммарный же процент крестьянской молодежи в союзе—10%. Этот момент характеризует отставание темпа роста комсомола от темпа развития крестьянского движения, с одной стороны, и слабость специфически-юношеской работы в деревне—с другой.

В период подготовки и развития Северной экспедиции комсомол проделал большую работу по вербовке комсомольцев-студентов в армию, в школу Вампу, в политотделы. На ряду с этим комсомолом же велась значительная работа и в тылу северных милитаристов по разложению их частей, пропаганде и агитации среди населения, лишавшего всякой поддержки милитаристов, по подготовке и активному участию в шанхайских восстаниях, стоивших комсомолу многих и многих жертв, но показавших миру невиданные еще примеры самопожертвования и героизма.

На том, что комсомол нередко еще проявлял себя, как вторая политическая партия, выполняя общепартийные и общеполитические функции в деле развертывания рабоче-крестьянского движения, на этом особенно останавливаться не стоит, так как это общеизвестно и было неизбежно.

В отношении вопроса работы в армии необходимо отметить, что комсомол не вел широкой массовой работы в национальной армии, не создавал в ее частях своих ячеек, т. к. компартия тоже не вела такой работы, что было безусловно ошибочно, и противилась всякой инициативе со стороны КСМ начать подобную работу. Но все-таки комсомолу кое-что пришлось проделать в этой области, что выразилось: а) в призыве к революционно-настроенному студенчеству идти в армию;

б) в доведненной работе в Вампу (военно-политические школы в Кантоне и Ханькоу, находившиеся на анти-чанкайшистских позициях);

в) в частичной мобилизации нескольких сотен комсомольцев Хубэйской организации в армию в коммунистическую дивизию;

г) в успешно проделанной работе по разложению перед переворотом одной чанкайшистской части в Шанхае (2-я дивизия Байсунчи);

д) в постановке анти-милитаристской работы в интервенционистских армиях.

Калейдоскопическая смена событий, классовые противоречия и перегруженность классовых сил внутри единого анти-им-

периалистического фронта в основном и целом нашли правильную оценку в комсомоле, в его руководящих кадрах, чем и определилась более правильная, революционная политическая линия и тактика комсомола, давшая ему возможность открыто выступить против оппортунистических уклонов в руководстве коммунистической партии.

В чем это выразилось?

А это выразилось в следующем: во-1-х, комсомол, его ЦК первыми полностью и безоговорочно встали на платформу решений VII и VIII пленумов ИККИ, наметивших основную стратегическую линию развития китайской революции;

во-2-х, КСМ активно боролся за директивы Коминтерна внутри партии, выступая против скрытой оппозиции к ним и критикуя теоретических электиков с их теориями перманентной революции, «этапов», «двух революций», недооценкой роли пролетариата, сопровождаемой поисками территориальной базы революции вне приморских промышленных районов и крестьянобоязнию и т. д.;

в-3-х, в правильной постановке тактических лозунгов в Шанхае (восстание, блок с мелкой, а не с крупной буржуазией, народно-делегатское собрание, как организационный центр борьбы всех последовательных анти-империалистических сил, вопрос о шанхайском правительстве, поддерживаемом Ухан, и т. д.);

в-4-х, в активной борьбе за решительные аграрные лозунги, за конфискацию земли, сдаваемой в аренду, за установление власти крестьянских союзов в деревне.

Эта ясная и четкая позиция китайского комсомола, его открытые выступления за решения Коминтерна не раз помогали партии выравнивать ее политическую линию в практике повседневной борьбы. Такие примеры были в Шанхае, Чжедзяне, Хунани и др. местах. Однако, эта в достаточной степени высокая политическая сознательность комсомольского актива не всегда обеспечивала союзу необходимую выдержанность в практической борьбе. Например, аграрные требования крестьянства вносили порядочную сумятицу в среду некоторой части комсомольцев и студенчества. Часть их опасалась, что крестьянская борьба оттолкнет от революции буржуазию, часть же вовсе не могла дать себе отчета в значении этой борьбы и оценивала классы так же, как оценивала их года два назад. Также обстояло и со стачечной борьбой ремесленных рабочих, способствовавшей наибольшему обострению классовых противоречий в китайских городах. Борьбу, являющуюся важнейшим революционным фактором, часть комсомольцев рассматривала как угрозу единому национальному фронту. Это обнаружило непонимание происходящей перегруппировки классовых сил и соответствующих изменений внутри национального фронта. Такие колебания приводили к ошибкам целых организаций. Так, на Хубэйской конференции комсомола в резолюции об экономической борьбе говорилось: «Комсомол должен бороться за руководство борьбой рабочей молодежи, стараясь регулировать требования рабочей молодежи так, чтобы они были вполне осуществимы и разумны. Следует опасаться обострения вражды между рабочими и мелкой буржуазией». Такие ошибки местных организаций комсомола при несомненно правильной позиции актива комсомола в борьбе за резолюцию Коминтерна говорят лишь о недостаточном политическом воспитании массе союза.

С другой стороны, они подтверждают и то, что радикализм студенческой части комсомола еще не укреплен выдержанной пролетарской идеологией.

Контр-революция. Временно победившая реакция на территории Нанкинского и Уханского правительств нанесли тяжелые удары как по рабоче-крестьянскому движению, так и по юношескому. В целом ряде районов Китая — в Гуандуне, Шанхае, Хубэе, Хунани и др. — комсомольские организации претерпели и претерпевают жесточайшие репрессии. Из 10.000 потерпевших (убитых, раненых и арестованных) от рук китайских контр-революционеров более 2.500 падает на долю комсомольцев и пионеров. Сегодня комсомол, как и компартия, загнан в глубокое подполье по всему Китаю. В Гуандуне (Кантоне также) значительная часть комсомольского актива перебита и переставлена. Большая часть организации разгромлена. Часть оставшегося актива перешла на нелегальное положение, стремясь привести в порядок расстроены ряды организации, часть ушла в крестьянские и партизанские отряды, держащие в своих руках целые уезды, и ведет борьбу с Литиновскими войсками. Шанхайская комсомольская организация после чанкайшистской расправы, 12 апреля вырвавшей из ее рядов десятки боевых товарищей, подвергается систематическим репрессиям и преследованиям. Казнь руководителей комсомола, разгром райкомов, повседневные преследования нанесли шанхайской организации ряд серьезных ударов. Численность шанхайской организации, которая до переворота достигала 8.000 членов, теперь сократилась до 3.000. Это сокращение, с одной стороны, объясняется некоторым отходом, утекчей части молодежи, незакалившейся и неприспособившейся к подпольным условиям, с другой — потерей связи между райкомами и ячейками. Например, на целом ряде предприятий существуют комсомольские ячейки, которые проявляют себя распространением своих листовок, организацией стачек, выработкой требований рабочей молодежи, самовооружением и т. п., но они настолько законспирированы от внешнего мира, что потеряли всякие связи с райкомами и их организаторами.

Не менее жестоким ударам подвергся комсомол и на территории Уханского правительства. Пожалуй, по числу убитых и раненых комсомольцев в Китае падает больше на территорию Уханского правительства. В одном только Юй-Чжоуском уезде во время восстания реакционного генерала Сюэ-Дуина было убито не менее 200 комсомольцев и пионеров. Везде, где происходили контр-революционные выступления уханского генералитета и офицерства, они всей силой обрушивались на крестьянские союзы, осмелившиеся наложить свою руку на помещичьи земли, и на... пионеров, которые играли чрезвычайно большую роль в крестьянской борьбе. В ряде мест пионеры выступали как подсобная сила крестьянских вооруженных отрядов, а иногда и как застрельщики борьбы с помещиками, джентри, чиновниками, тухао, самовольно арестовывая их и обкладывая их контрибуцией в пользу своей культурно-просветительной работы. Поэтому почти все пионерские организации подверглись разгрому. В Ухан-городах из 20.000 пионеров осталось в полулегальных организациях около 3.000. Перевести всю массу рабочих и крестьянских детей на нелегальное положение за краткостью времени и отсутствием нуж-

ной ссоры и опыта не представлялось возможным. И, наоборот, переход комсомола на нелегальное положение произошел более ровно и безболезненно и без сколько-нибудь значительных потерь. Общая численность китайского комсомола сегодня, по самым скромным подсчетам, достигает 25—28 тысяч.

На грани новой борьбы. Контр-революционный переворот Чан-Кай-Ши и последовавшая за ним серия измен и переходов на чанкайшистские позиции разных генералов и завершившийся переход уханского правительства на нанкинские рельсы знаменует приход к власти нового класса — класса буржуазии. Социальной, классовой разницы между Уханским и Нанкинским правительством сегодня нет. То и другое правительство как в своей внешней политике, так и во внутренней, идя на компромисс, на соглашение с иностранными империалистами, ведя вооруженной рукой борьбу с рабоче-крестьянским движением, с его требованиями решительного социально-экономического преобразования страны, стоят на одной платформе буржуазной реакции. Но было бы неверно, грубо определять Нанкинское и Уханское правительство как типичные чисто-буржуазные правительства. Оба эти правительства опираются и на другие классы и социальные группы, а именно на полу-феодалы и на компрадорские элементы, на помещиков и джентри, на среднюю и торгово-ремесленную буржуазию, на крупное кулачество и высшую интеллигенцию. Эта пестрота социальной базы правительства от революции откладывает самый разнообразный противоречивый отпечаток на их политику, лишает их «внутряной» силы, выявляет их слабость перед рабоче-крестьянскими массами и толкает их на соглашение с империалистами, на блок со старыми милитаристами и их социальной базой. Буржуазная реакция выступает сегодня перед китайским народом под гоминдановскими знаменами, под маской национал-реформизма, пытаясь подчинить себе все анти-империалистические силы, использовать в своих интересах, в интересах получения от иностранцев, компрадоров и феодалов большей выгоды, больших уступок, революционную энергию рабочих и крестьян и оппозиционность мелкой буржуазии и студенчества. С этой точки зрения борьба против нео-милитаристов значительно труднее и требует более сложных методов и средств, чем борьба против старых милитаристов — тина Чжан-Цзо-Лина, Сун-Чуан-Фана и У-Пей-Фу.

Основные задачи, стоявшие перед китайской революцией, — объединение Китая, уничтожение империализма, радикальное разрешение крестьянского и рабочего вопроса, невыполнены и сегодняшними именованными не могут быть выполнены. Чтобы объединить Китай, надо подрубить в корне империализм в Китае, овладеть его командными высотами, уничтожить все неравные договоры, вернуть концессии, национализировать все банки, жел. дороги, предприятия иностранцев, установить монополию внешней торговли. А это потребует напряженнейшей вооруженной борьбы китайских революционных масс с крупными акулами империализма. Основной движущей и руководящей силой нового подъема, нового этапа революции под лозунгами завершения буржуазно-демократической, а это значит и аграрной революции и установления революционно-демократической диктатуры рабочего класса, крестьянства и революционной демократии города, может быть только рабочий класс и беднейшее и арендаторское кре-

стьянство, составляющее 60 процентов всего крестьянского населения. Конечно, мелкая ремесленная и земледельческая буржуазия будет принимать участие в новом этапе борьбы и откладывая свой отпечаток на формы и лозунги борьбы. Но руководящая роль должна принадлежать не ей, а рабочему классу. В установке на эти классы и должна определяться основная стратегическая линия кит. компартии и кит. комсомола.

Нового подъема китайской революции надо ожидать не годами, как утверждают некоторые малoverы, а месяцами. Нанкинское и Уханское правительства, полные социальных и политических противоречий, неспособны закрепить свою власть и привести к сколько-нибудь длительной буржуазной стабилизации. Аграрный кризис и экономическая депрессия в Китае катастрофически увеличиваются и усиливаются. Неизбежное после краха Женевской конференции по разоружению обострение борьбы между Америкой, с одной стороны, и Англией и Японией — с другой, может только стимулировать ускорение и силу нового подъема, который будет носить анти-буржуазный характер и переведет китайскую революцию на социалистические рельсы.

Последний пленум ИК КИМ'а, обсуждая вопросы работы кит. комсомола, поставил перед ним в качестве основных задач решительную и безоговорочную борьбу за неурезанные лозунги аграрной революции, развертывание экономической борьбы промышленных и ремесленных рабочих и рабочей молодежи, самовооружение рабоче-крестьянских масс, реорганизацию Гоминдана и борьбу за трудовые массы, находящиеся в его рядах, решительную борьбу со всякими оппортунистическими уклонами и тенденциями в компартии. Задачей для китайского комсомола является подготовка молодежи, рабочего класса и крестьянства к новым боям, расширение их боевых организаций — профсоюзов и крестсоюзов, и борьба с национал-реформизмом. Контр-революционное крыло Гоминдана (Нанкинское и Уханское), превращаясь в тенденции в типичную буржуазную партию, усиливает свои аппараты влияния на рабоче-крестьянские и мелкобуржуазные массы, создает желтые профсоюзы и кастрированные, выхоленные от революционного содержания крестьянские союзы. Эти организации лишены массы. Так, например, желтые профсоюзы насчитывают в своих рядах уже больше сотни тысяч членов. Это положение требует со стороны комсомола вхождения во все желтые организации, имеющие массы, ведения упорнейшей борьбы за влияние на них, за их революционизирование, за разрыв пут и оков, накладываемых на них национал-реформистами. Сейчас целый ряд районов находится в руках революционных масс, ведущих оборонительную борьбу против реакции. Задачей комсомола является всемерная мобилизация сил на их укрепление и поддержку с тем, чтобы эти революционные очаги превратились в базу расширения и наступления революции.

Таковы обще-политические задачи, стоящие сегодня перед китайским комсомолом.

Ставка на молодежь

Наш Ленинский Комсомол всегда и при всякой обстановке, была ли это героическая эпоха гражданской войны, или тяжелый период восстановления нашего разрушенного хозяйства, ставил на одно из первых мест в своей повседневной работе вопросы упорной и беспощадной борьбы с чуждыми пролетариату идеологическими влияниями.

В этой борьбе наш союз политически окреп. В этой борьбе выросли и закалились кадры комсомольского актива. В этой борьбе мы сумели воспитать широчайшие массы рабочей и крестьянской молодежи в духе бешеной ненависти ко всему, что находится по ту сторону баррикад.

Теперешний период, эпоха развернутого социалистического строительства, ставит задачу борьбы с враждебными нам влияниями *на центральное место* в работе комсомольских организаций в силу следующих двух тесно связанных между собою причин.

Первая причина, заставляющая нас крепче сомкнуть ряды, кроется в последних международных событиях. Капиталистический спрут вновь пытается задавить нашу страну в тисках интервенции, белого террора, наглой провокации и экономического бойкота. Капиталистический мир оцетинился штыками, пулеметами, всеми новейшими средствами истребления людей и готовит крестовый поход против СССР. *Угроза войны — это реальная угроза.* Надо прямо смотреть в глаза грозной опасности, надвигающейся на страну Советов. Надо готовиться к обороне социалистического отечества.

В такой острый, критический момент нам как никогда необходима *идейная сплоченность*, которая была бы в полном смысле этого слова непроницаемой для всех чуждых пролетариату влияний, способных ослабить наши позиции в предстоящей схватке с капиталистическим миром.

Другая причина кроется в трудностях нашего социалистического строительства. На фоне хозяйственного подъема СССР, вместе с ростом политической активности широчайших масс рабочего класса и трудового крестьянства растет активность и всех враждебных нам классовых группировок, в первую очередь торговца в городе и кулака в деревне.

Угроза военного нападения на СССР несомненно повысила активность враждебных пролетариату сил внутри нашей страны. *Зашевелились, вылезают из потаенных уголков на арену политической деятельности темные силы реакции и контр-революции.* Самое опасное здесь заключается в том, что поднимающая голову реакция думает опереться в своей борьбе с партией и рабочим классом на молодежь. Враждебные нам силы делают сейчас ставку на подрастающие кадры рабочего класса и трудового крестьянства,

пытаются навязать молодежи чуждую пролетариату идеологию «они отрицают диктатуру пролетариата, — факт принадлежности пролетарскому государству основных средств производства, используют наши нехватки, стараются подорвать веру рабочего класса и учащейся молодежи в силу пролетариата и готовят таким образом идейное поле для откровенно-буржуазной контр-революции»¹.

Оживление враждебных пролетариату сил, отмеченное еще 14 парт'ездом, сейчас настолько выпукло наметилось, что требует от нас усиления борьбы с чуждыми идеологическими влияниями. Думать иначе было бы по меньшей мере наивно. *Новое во взаимоотношениях классовых сил внутри нашей страны в связи с последними международными событиями заключается сейчас в том, что обнаглевшая контр-революция по заданиям свыше пытается начать с партией ожесточенную борьбу за резервы, за влияние на молодежь и местами уже переходит на этом фронте в открытое наступление.*

Карты открыты

В марте месяце 1927 года телеграф принес нам скорбную весть. В селе Успенке, Сталинградской губернии, выстрелом из обреза через окно убит секретарь комсомольской ячейки, член сельсовета и избиркома тов. Бондаренко. Убийство дело рук кулаков, которым Бондаренко стал поперек горла своей работой в избиркоме. Это была первая ласточка. Вслед за этим по различным районам Советского Союза учтено еще несколько фактов дикой расправы обнаглевшего кулачества с представителями партии и комсомола во время исполнения ими своих общественных обязанностей.

Перевыборы советов в 1926/27 году положили начало активным выступлениям всех враждебных пролетариату группировок против диктатуры рабочего класса, против партии и советского правительства. Это было в тот самый момент, когда на международном горизонте сгустились грозные тучи и в воздухе запахло войной. *Мы имели в перевыборную кампанию организованную попытку поднимающей голову реакции брать ставку в своей борьбе с партией на молодежь.*

В ход были пущены угрозы, подкуп, контр-революционная агитация вплоть до провокационной игры на неопытности и недостаточной классовой закаленности подрастающего поколения рабочего класса и крестьянства. В одном из сел Ленинского района (Омский округ) кулаки, чтобы зажать рот бедняцкой части деревни, добавили в свой список кандидатуру молоденькой комсомолки, считая, что с нею всегда можно справиться и «по-семейному» договориться.

Анти-советские элементы на перевыборах раскрыли свои карты в борьбе с партией за влияние на молодежь. Конечно, в большинстве случаев попытки кулацкой и зажиточной части деревни привлечь на свою сторону молодежь, закончились жалкой неудачей. Они остались у разбитого корыта. Но все же кое-где не заметными, извилистыми ручейками чуждые нам настроения просачивались и в комсомольскую среду.

¹ Из резолюции 14 парт'езда о работе ВЛКСМ.

Были факты, когда комсомольцы защищали кулаков, добиваясь сохранения за ними избирательных прав. Были факты, когда комсомольские ячейки в полном составе поддерживали на перевыборных собраниях списки зажиточных и кулаков. Выступления отдельных комсомольцев носили явно контр-революционный характер. В Московском уезде комсомолец, бывший председатель сельсовета, член ВИК'а на перевыборном собрании заявил: «Ну, товарищи! половили девять лет рыбку в мутной водиче, пора и удочки сматывать. Пойдем в Знаменское, ударим в набат против власти».

Несомненно, под влиянием кулацкой агитации комсомольцы кое-где *срывали работу партии среди деревенской бедноты*. Они кричали на всех перекрестках.

«Зачем делить деревню? Зачем вносить вражду между отдельными частями крестьянства?»

«Не зачем нам голь проводить в советы. Нет у них ни кола, ни двора».

«Бедняки все лодыри. Тот, кто работать любит, никогда бедным не будет».

Такой дурно-пахнущий букет настроений чрезвычайно опасен. Это дезорганизует бедноту, порождает у бедноты пессимизм, неверие в силы пролетариата, горькие пословицы в роде «с миру по нитке бедноте петля, а от той петли избавишься, на своих жилах удавишься».

Комсомольцы, как это ни печально, клевали на кулацкую удочку. И в чем наша большая беда, клевали в большинстве случаев не по злой воле, а благодаря *полнейшей политической безграмотности*. Спросили у секретаря комсомольской ячейки в Токмакской волости (Средняя Азия): «Сколько у вас баев (кулаков) и что они из себя представляют?» Последовал ответ: «Два бая и оба хорошие». На вопрос: «Почему хорошие?», секретарь, подумав, ответил: «Когда комсомолу нужны деньги дают барана». В другом ауле секретарь ячейки с гордостью заявил: «Я вместе с муллою и баем пью чай, кушаю плов и советуюсь».

Вот, на какой святой наивности, на полнейшей безграмотности всякого рода авантюристы наживают себе политический капитален.

Кулацкие „kozyри“

Опасность, на которую мы не должны закрывать глаза, заключается сейчас в том, что в борьбе за влияние на молодежь *создается блок*, между всеми враждебными пролетариату силами внутри нашей страны, начиная от торговца в городе и кулака в деревне, вплоть до остатков разбитых революцией партий и многочисленных сектантских организаций. Последние особо активны. Сектантские организации являются сейчас ничем иным, как передовым отрядом, выразителем чаяний и надежд чуждых нам классовых группировок. *Это, по сути дела, кулацкие «kozyри» в борьбе за влияние на молодежь.*

«Используйте все средства для завоевания молодежи», «Пролезайте во все области общественной работы партии и комсомола», «Воритесь за право легальной оппозиции в современных условиях», «Вбивайте клин в союз рабочего класса и бедноты со средним крестьянством», «Соединяйтесь для борьбы с большевистской опасностью», — таковы неписанные, заветные лозунги и мечты подни-

мающего голову сектантства. Чем это не кулацкая программа? «Рыбак рыбака видит издалека».

Опасность отхода от нас под гегемонию «поповщины» некоторых групп молодежи, особенно в культурно-отсталых национальных и деревенских районах, необходимо трезво учитывать комитетам и ячейкам комсомола. Сектантское движение перестраивает свои ряды. Оно *приспосабливается* не менее энергичным темпом, чем мы к возросшим культурным запросам молодежи. Служители религиозного культа теперь совсем не похожи на того дьякона, который у М. Горького «в пьяном виде, на пари, бил лбом грецкие орехи, мог разбить целый фунт орехов, так что кожа на лбу у него лопалась. Носил в кармане железную коробочку с духами — летом для лягушек, а зимой для мышей и, улучив удобную минуту, пускал зверюшек этих дамам за шиворот». Служители религиозного культа сменили неудобные церковные халаты, на более культурную и нестесняющую «свободу движений» одежду. Они «причесались и пообчистились» в соответствии с духом времени. Они многому и многому научились со времени революции. Ведь не даром баптисты, евангелисты, пашковцы и др. секты «им же несть числа» представляют собой международные религиозные организации новейшей формации, «возникшие в процессе приспособления религии к новым капиталистическим отношениям. Это религии «демократические», т. е. оборудованные по последнему слову буржуазной техники всеми средствами одурачивания масс. Среди главарей этих новых религий имеются такие прожженные спецы «демократии», как Ллойд-Джордж, Куллидж, Форд. Все трое — баптисты».

В борьбе за влияние на массы и особенно на молодежь используются все средства, начиная с антикомсомольской агитации, организации досуга молодежи, вплоть до материальной помощи беднейшей ее части. Сектантство ухитряется использовать в своих интересах даже нашу анти-религиозную пропаганду. Нередко «агитаторам господу бога» — сектантским пропагандистам, дается повернуть критику религии со стороны масс с прямой и широкой дороги полнейшего отрицания в болото ее улучшения. *Идет умелая замена старых, насковзь прогнивших предрассудков, новенькими, еще более гаденькими и подлыми.* (Ленин).

Сектанты умело наживают политический капитал, спекулируя в массах на своей объективно-революционной роли в эпоху самодержавия. Они в то же время *великолепно понимают* огромную важность «резервов». Ведь не даром же баптисты пишат на своих знаменах: «Баптисты, завоевав и сохранив молодежь, тем самым сохраняют себе будущее».

Излюбленный метод сектантских организаций по примеру своих зарубежных друзей в борьбе с комсомолом — это клевета, заведомая ложь о комсомольцах, хулиганах, насильниках, о комсомоле, где только и делают, что «развращают» молодежь. За примерами не далеко ходить. В Богучаровском уезде (Воронежская губ.) сектанты ведут «разъяснительную кампанию» среди молодежи о том, «Что такое комсомол» следующим образом. Они говорят: «Комсомол — это на наш язык комса, мелкая рыбешка. Мол — это моль или тля. Значит, все комсомольцы мелкие, ни на что негодные личинки, паразиты».

¹ „Правда“ № 136 от 19/VI—1927 г.

Сектанты великолепно усвоили, надо прямо сказать, усвоили *гораздо лучше*, чем многие ячейки нашего союза линию на приспособление работы к запросам молодежи, великолепно учли огромную тягу молодежи к повышению своего культурного и общеобразовательного уровня.

В Ново-Узенском уезде группа баптистов организовала кружок молодежи из 20 человек. Регулярно проводит занятия, втянули в кружок учащихся II ступени, устраивают беседы, литературные вечера соревнования по разработке интересных тем (в роде комсомольских полит-фантов) и т. д. В Терском округе религиозные секты организуют массовое пение, беседы, декламацию с религиозным содержанием, вечера самодеятельности, вечера «любви», с постановкой религиозных пьес, с чаепитием и ужином в заключение. Работают хоровые, музыкальные, драматические и другие кружки. В Новгородской губ. многие секты имеют собственные духовые и струнные оркестры, устраивают различные вечера, на которых выступает хор, струнный оркестр, юноши и девушки с декламацией и пением на религиозные темы под аккомпанемент рояля, при чем многие песни поются на мотив «Смело товарищи в ногу», «Мы кузнецы» и т. д. В Ленинграде для девушек евангелисты открыли курсы кройки и шитья.

Недавно на фабрике «Свобода» (Москва) в карманах своих халатов некоторые работницы нашли билетки со следующим содержанием: «Секция молодежи крестьянского союза приглашает вас на еженедельные беседы по вторникам с 7 часов вечера. Приглашайте своих знакомых». Дело было сделано так чисто, что работницы только руками разводили. «Когда же билетки очутились в кармане?»

Есть у сектантов свои добровольные общества «Бытовые группы» (комсомольский пример заразителен) — это «братство трезвости», «общество борьбы с курением» и т. д. Есть у сектантов и свои кампании «неделя евангелизации», «день жатвы», в противовес нашему «дню урожая», и многие другие. К кампаниям ведется тщательная подготовка, при чем особое внимание обращается на пышность и внешний блеск кампании. Вообще красивая обрядность является в руках сектантов лучшим средством в деле пропаганды религиозных истин среди молодежи и вовлечения ее в секты.

Большинство сект имеет свой централизованный аппарат и даже свои «агитпропы», так называемые «отделы по воспитанию и благовестию», свои органы печати, библиотеки, раз'ездных агитаторов, семинарии, курсы и т. д. Имеются даже свои поэты. Вот вам образец «художественного творчества» в виде рукописи, путешествующей по Вотской области:

Скажи, о, спаситель, к кому нам идти,—
Лишь ты слово жизни вещаешь,—
Где силы усталому духу найти?
Лишь ты нам покой обещаешь.

Как бедно, уныло, пустынно кругом,
Лишь в слове твоём мы отраду найдем,
Что светит во мраке и душу влечет
К небесным блаженным высотам и т. д.

Ну, если это «стихотворение» отражает упадочные настроения и ищет спасения от пролетарской диктатуры в объятиях «гос-

пода бога», то следующее произведение в этой рукописи пахнет совсем по-другому.

Вперед на бой вести освобождение,
Вперед на бой оковы все порвать,
Бордам он дал свободу и спасение,
Нас не страшит за правду выступать и т. д.

Это уж откровенный призыв к свержению диктатуры пролетариата.

Не меньшую роль в работе религиозных сект занимают и вопросы материального порядка.

В городе практикуется прикрепление молодежи «на выучку» к какому-нибудь ремесленнику (своего рода индивидуальное ученичество) устройство на работу через мастеров сектантов, конечно, помимо биржи труда, организация всевозможных артелей.

В деревне во многих районах процветают свои сектантские кооперативы, сельскохозяйственные коммуны и т. п. «монастырские братства», где беднейшая его часть гнет спину на зажиточных и кулаков, а руководители великолепно усвоили философию горьковского проходимца: «Мужик есть для всех людей материал питательный, сиречь с'едобное животное».

Так работает эта подлая машина одурачивания масс и, что самое опасное, *работает не на голостом ходу*. В Сев.-Зап. области насчитывается около 25 тысяч сектантов всевозможных оттенков, при чем только по одной Ленинградской губернии евангелисты выросли с 1.300 до 10 тысяч человек. На Северном Кавказе только одних баптистов насчитывается 5.303 чел. В Терском округе всего сектантов 11.359 чел. В Одесском ОК сектантов 7.500 чел. и т. д. *Значительная часть из этого количества падает на молодежь*. В Самарской губ. в 40 кружках сектантам удалось объединить около 1.500 человек молодых рабочих и крестьян. Цифры говорят сами за себя. Дело доходит до того, что Тартыльский волком ВЛЖСМ в Джети-суйской губернии выносит по докладу секретаря ячейки следующее предложение: «Широко провести агитацию среди молодежи за вступление в религиозные общества». Это, конечно, единственный факт на весь СССР, но он подтверждает — насколько энергично сектанты ведут среди молодежи свою работу.

Разлагающая роль сектантства очевидна. Оно захватывает в свои ряды значительные кадры беднейшего и среднего крестьянства в деревне и немало рабочих в городе. Руководящие кадры сектантского движения представляют собой дурно пахнущий букет «бывших». Бывший жандарм, бывший помещик, бывший офицер и т. д., — вот публика, которая воспитывает, конечно, против нас и нашего строительства значительные массы крестьянской и рабочей молодежи, вовлеченной в сектантские организации.

„Куда конь с копытом, туда и рак с клешней“

Параллельно с оживлением сектантских организаций зашевелились и всевозможные анти-коммунистические группировки молодежи, подголоски разбитых революцией партий. Остатки эс-эровщины и особенно меньшевики за последнее время развивают лихорадочную деятельность, особенно в наших национальных окраинах. На Украине вылезают на политическую арену всевозможные «социалистические и анархические союзы молодежи», в

Армении «Молодые дашнаки», в Грузию — «Молодые марксисты» и т. д. Они берут ставку прежде всего на учащуюся молодежь.

15 февраля с. г., в день 6-летия Советской Грузии «молодые марксисты» организованно выступали в школах, заявляя в прениях по докладу:

«Москва хочет забрать все наши богатства»

«Россия штыками завоевала Грузию и это называется советизация».

«Грузинский народ боролся, борется и будет бороться против красного империализма» (?).

«Молодые марксисты» эту кампанию проводили под лозунгом, «Да здравствует независимость Грузии».

Анти-коммунистические группировочки в своей борьбе за влияние на молодежь спекулируют главным образом на трудностях нашего социалистического строительства. Безработица, безпризорность, аграрное перенаселение, тяжелое материальное положение отдельных групп молодежи в нашей стране, — вот «козыри» контр-революционной агитации меньшевистских подголосков. *Они сеют среди молодежи недовольство советским правительством, разжигают вражду между отдельными национальностями, используют для ожесточенной атаки на партию каждую нашу ошибку, пролезают в ряды Союза и здесь ведут свою разлагающую работу.* Анти-коммунистические группировочки молодежи пытаются сейчас всеми средствами завербовать в свои ряды новых членов и организационно укрепиться. «Молодые марксисты» в Грузии, провозгласившие в 1923 году свою ликвидацию, сейчас перестраивают свои ряды и снова выступают как политически организованная единица. В ряде районов СССР быстро возникают и не менее быстро разваливаются всевозможные «союзы крестьянской молодежи», «союзы социалистической молодежи» и т. д.

Так, в борьбе с партией за влияние на молодежь, в связи с последними международными событиями *создается единый фронт*, блок между всеми враждебными пролетариату силами внутри нашей страны.

Три врага

Конечно, не стоило бы отнимать столько внимания у читателя к работе всевозможных враждебных пролетариату группировок, если бы вся масса рабочей и крестьянской молодежи, все члены нашего союза до единого человека были бы идейно непроницаемы для всех чуждых рабочему классу влияний.

В чем проявляются у нас в комсомоле и в массах молодежи чуждые пролетариату идеологические влияния? Это прежде всего упадочничество, мещанский индивидуализм и антисемитизм. *Таковы наши главные враги*, помимо многих других второстепенных и не имеющих большого значения.

Упадочничество во всех его формах, начиная от неверия в социалистические пути нашего развития и кончая есенинщиной, явно чуждо пролетариату. Упадочничество, несомненно, заражает отдельные, в первую очередь материально необеспеченные и незакаленные в классовых боях, группы молодежи. Мы часто встречаем людей этого сорта на всех собраниях и митингах, бьющих себя кулаками в грудь и с пеной у рта вызывающих к массам «за что боролись?». Это «за что боролись?» стало поистине формулой упа-

дочничества. Упадочники — это или пессимисты, оторвавшиеся от своего класса, от нашей великой строительной работы, расценивающие будни социалистического строительства, как нечто ненужное и мешающее революции, живущие мечтами о героической эпохе «военного коммунизма», или это люди, налетевшие на подводные камни социалистического строительства, растерявшие все паруса и теперь «без руля и без ветрил» проповедующие «сумерки» социалистического строительства.

Мещанский индивидуализм следующий наш мало заметный, но тем более опасный и в наибольшей степени проникающий в комсомольские ряды враг. «*Мещанство — это анти-общественность, желанье, все использовать на потребу своего я*» — безусловно верно определяет этого врага «Комсомольская Правда». «Сходясь в главном — в своем «ячестве», мещане появляются в наших рядах на тысячи манер — пишет «Комсомольская Правда». — Один «использует» десяток девушек, совершенно не заботясь об их дальнейшей судьбе и судьбах своих детей; другой «шикует», ставя свой пробор и желтые штiblеты выше всякой «бузы» и «философии», в роде мировой революции; третий кричит об идейной чистоте комсомола только для того, чтобы добраться до партмаксимума; четвертый все счастье жизни видит в автомобиле и панибратстве с водителями; пятый, махнув рукой на всякие «громкие слова», занимается туризмом и прикладной механикой. Бюрократ-подхалим — это тоже мещанин, он рассматривает своих товарищей по классу, по организации, не как людей, ради которых он борется и живет, а как ступеньку, опершись на которую он сможет, прыгнуть повыше. *Коммунистическая идея для него не знамя, не цель жизни, а выигранный облигация, приносящая проценты каждые первое и пятнадцатое число.* Высокий пост — не средство сплотить в творчестве тысячи людей для строительства социализма, а почетная жилплощадь, где, как на колокольне, он может вознестись над людьми и командовать ими».

Такие люди у нас есть и надо прямо сказать — их немало.

Рост антисемитизма и шовинизма всех мастей, нашего третьего врага на идеологическом фронте, несомненен. «Известно, напр., что существовал «русский» комсомол, который писал в своей программе, что он «во всем согласен с Лениным, кроме национального вопроса» (конкретнее, кроме еврейского вопроса). Известно, что в Сокольническом районе (Москва) группа молодых рабочих дошла «до жизни такой», что решила создать тайный кружок для избития евреев. Мы, наконец, имеем немало фактов всевозможного издевательства над отдельными представителями еврейского народа и в деревне, и даже на наших фабриках и заводах.

Упадочничество, мещанский индивидуализм, антисемитизм — наши главные враги на идеологическом фронте, ибо вполне ясно, что почвой, которая удобрена таким «навозом», немедленно *воспользуются наши классовые враги.* Новая буржуазия в городе крепко берет под свое влияние именно тех, кто хоть немного тронут червоточинной упадочничества, мещанского индивидуализма и антисемитизма. Новая буржуазия и сменовеховская интеллигенция всячески разжигают среди молодежи антисемитизм и мещанские настроения, всемерно поощряют и поддерживают упадочничество среди молодежи, как реакцию против диктатуры пролетариата. Они проповедают и культивируют среди молодежи чуждые пролетариату настроения через литературу, театры, кино, т. е.

через наиболее уязвимые участки всего фронта нашего социалистического строительства, объединяя молодежь, особенно в наших вузах и школах на основе чуждых пролетариату влияний против рабочего класса, против партии и советского правительства.

Огонь по враждебным влияниям

Мы должны вести одновременно беспощадную борьбу и против организованных классовых врагов (сектантское движение, антикоммунистические группировки), и против чуждых нам настроений (упадочничество, мещанский индивидуализм, антисемитизм), подготовляющих почву для контр-революционной деятельности враждебных пролетариату группировок.

В этой борьбе не должно быть никакого благодушия, но не должно быть и паникерства. На последнем надо сделать особое ударение, ибо сейчас на росте чуждых нам настроений среди молодежи представители оппозиции в комсомоле пытаются сыграть «известную всем песенку». Не так давно автору настоящих строк пришлось выступать с докладом о решениях 5 пленума ЦК, в ячейке 6-го объединенного завкома металлистов (Москва), где комсомольские оппозиционеры предъявили Центральному Комитету обвинение «в перерождении». Они говорили приблизительно следующее: «Докладчик мало сказал о болезненных явлениях в комсомоле. Он обошел этот вопрос, хотел нас огутать (?). *Комсомол перерождается*, его захлестывает мелкобуржуазная стихия, в связи с неверной политической линией ЦК». Оппозиционная удочка в этом выступлении очевидна, как очевидна его полнейшая вздорность. Для каждого мало-мальски политически-грамотного человека понятно, что если бы утверждение подголосков оппозиции в комсомоле было верно, давно руководство в союзе принадлежало бы не рабочей молодежи и не нашей партии, а мелкобуржуазным элементам в стране. Комсомольские оппозиционеры весьма быстро научились «у старших товарищей» украшать всякую истину ослиными ушами. Конечно, чуждые настроения просачиваются в комсомол и заражают отдельные частицы рабочей и крестьянской молодежи, но ведь вся соль вопроса в том, что *основные кадры молодежи в союзе и вне его здоровы, идейно сплочены, а следовательно, непроницаемы для чуждых пролетариату влияний.* Не стоило бы критиковать оппозиционную теорию, но, к сожалению, такое паникерство захватывает отдельных активистов нашего союза, совсем неопозиционеров. Они переоценивают опасность. Падают духом и опускают руки в борьбе с чуждыми пролетариату идеологическими влияниями. Паникерству здесь не место. Это, конечно, не означает, что мы должны «почивать на лаврах» и ничего не делать. Недооценивать опасность не менее вредно, *во-первых*, потому, что все же чуждые пролетариату влияния просачиваются в наши ряды и мешают делу ленинского воспитания молодежи, *во-вторых*, потому, что мы уделяем далеко недостаточное внимание идеологическому фронту.

Мы сосредоточили в своей идеологической борьбе решающие удары главным образом на упадочничество. Между тем антисемитизм не всегда встречает в комсомольской среде решительный и дружный отпор. Мы частенько смотрим сквозь пальцы на пролезающий в наши ряды мещанский индивидуализм. Наконец,

борьба с религиозным влиянием, анти-религиозный фронт за последнее время отодвинулся в комсомольской работе далеко на задний план. *«Надо прямо сказать, что у нас в области идеологической борьбы много благодушия, — хоть отбавляй»* («Комсомольская Правда»). Все это и ставит сейчас задачу борьбы с чуждыми пролетариату влияниями на центральное место в работе комсомольских организаций.

Каковы пути борьбы с нашими идеологическими врагами?

Эти пути проходят через важнейшие участки союзной работы. Мы должны сейчас обратить самое серьезное внимание на укрепление пролетарского ядра и пролетарского руководства в союзе. Наш союз должен непрерывно расти, в первую очередь за счет рабочей молодежи, деревенской бедноты и батрачества. Надо отбирать в союз действительно лучшую часть середняков, сократив до минимума прием в союз не-рабочих и не-крестьян, а в некоторых организациях целесообразно и временно закрыть двери в союз для т. наз. «прочей» молодежи. Нам, как никогда, необходимо сейчас крепкое партийное ядро в комсомоле. Нужно прямо сказать, что в некоторых организациях дело с партией обстоит из рук вон плохо. Слишком много служащих, слишком много крестьян и мало рабочих. Такое положение недопустимо. Каждый комсомольский активист должен твердо усвоить, что крепкое партийное и пролетарское ядро в союзе, — есть основная гарантия против проникновения в наши ряды чуждых пролетариату влияний.

Пути борьбы с чуждыми пролетариату влияниями идут далее через вопросы экономической работы в союзе. Надо использовать, максимально заполнить все средства для смягчения безработицы, жилищной нужды среди молодежи. Надо беспощадно разоблачать извращения при проведении рационализации. В деревне следует особое внимание обратить на укрепление экономического положения деревенской бедноты. Мы здесь плохо, очень плохо работаем. Всемерное повышение удельного веса бедноты в хозяйственной и общественной жизни деревни — наша важнейшая задача.

Нужно широким фронтом развернуть нашу массовую культурную работу как в клубе, в избе-читальне, так и вне стен этих учреждений. Антирелигиозная пропаганда является важнейшим участком всего фронта нашей массовой культурной работы. Необходимо всемерно разоблачать разлагающую, реакционную роль сектантства, духовенства и классовую сущность религии вообще, на конкретных примерах анти-советской деятельности религиозных организаций. Надо теснее связаться в этой работе с партией, с профсоюзами, с союзом безбожника СССР, приняв активное участие в работе его кружков. Распространение естественно-научных знаний, агропропаганда, уничтожение неграмотности, борьба за санитарную и гигиену, против алкоголя и курения — вся наша массовая культурная работа должна служить делу воспитания широчайших масс молодежи в духе полного отрицания религии, под каким бы соусом она ни преподносилась служителями религиозного культа.

Пути борьбы с чуждыми пролетариату влияниями идут, наконец, через вопросы политического воспитания масс молодежи. На этом надо сосредоточить главное внимание, на этом надо сделать особое ударение, и не потому, что вопросы укрепления пролетарского руководства в союзе, вопросы экономической работы, вопросы массовой культурной работы менее важны в борьбе с чуждыми

пролетариату влияниями. Совсем нет. А потому, что у нас дело политического воспитания масс не всегда отвечает задачам вовлечения молодежи в активную, самостоятельную политическую жизнь не всегда выковывает в комсомольце классовую непримиримость ко всему чуждому рабочему классу и нашей партии.

Ставка на молодежь наших классовых врагов, конечно, будет бита. Резервы будут у нас. Но для этого надо раз навсегда покончить с благодушием в вопросах идеологического фронта. Необходима идейная мобилизация масс, необходима упорная, беспощадная борьба и с паникерством, и с благодушием, и с примиренчеством на идеологическом фронте. Каждый комсомолец должен знать, должен твердо усвоить проникновенные и в то же время суровые слова Владимира Ильича:

«Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились по свободно принятому решению именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот, некоторые из нас принимают кричать, пойдете в это болото! А когда их начинают стыдить, они возражают, какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу!

О, да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда, но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова «свобода», потому что мы ведь тоже свободны идти куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает в болото!»¹

Иными словами «борьба за молодежь, соответствующее ее воспитание, сохранение преемственности опыта социалистической революции, приспособление к великим строительно-организационным задачам дня, при сохранении и укреплении правильного руководства»² в еще большей мере, чем это было год тому назад, являются главнейшими особенностями переживаемого периода.

¹ Ленин, том V, стр. 123.

² Из резолюции 14 партсъезда о работе ВКСМ.

Первые итоги

(Комсомол и рационализация производства)

Вопросы рационализации производства за последние месяцы начинают занимать одно из первых мест в работе союза и особенно его производственных ячеек. Это свидетельствует живейший интерес комсомольцев и широких масс рабочей молодежи к рационализации. Интерес этот по двум линиям: во-первых, широкое обсуждение вопросов рационализации на комсомольских ячейках, собраниях, конференциях рабочей молодежи, во-вторых, конкретное, практическое участие молодежи в рационализаторской работе.

Директива ЦК ВЛКСМ об участии комсомола в рационализации послужила первым сигналом к организованному обсуждению этих вопросов. Обсуждение обнаружило исключительную активность молодежи. Характерная особенность разъяснительной кампании заключается в том, что общие вопросы буквально затоплялись наплывом практических предложений, вносимых молодежью на всех собраниях. Одновременно выявились новые творческие формы участия молодежи в рационализации, как-то: группа молодых рационализаторов, анкетный сбор предложений по цехам, группы молодых изобретателей, дающих новые, подчас весьма ценные изобретения.

Однако, на ряду с подъемом активности молодежи у некоторой ее части вокруг вопросов рационализации имеются и нездоровые настроения. Они являются следствием непонимания сущности социалистической рационализации. И обыкновенно проявляются в опасениях, что рационализация уменьшит заработную плату, поменшает квалификации. Такие настроения являются одновременно следствием некоторых рационализаторских извращений со стороны отдельных хозяйственников.

Для иллюстрации недоверчивых настроений отдельных групп молодежи приведем несколько примеров.

На заводе «Серп и Молот» (Украина) некоторые ребята говорят: «У нас ввели конвейер и стали собирать чуть не вдвое больше борон, но почему же нам сбавили расценки? Завод получает от рационализации прибыль, поэтому нам сбавлять расценки не имеют право».

Здесь прежде всего сказывается опасение за свое благополучие, опасение, что рационализация понизит заработную плату, при чем упускается из виду количественное увеличение выработки и, следовательно, соответствующее увеличение заработка, даже при новых расценках не падающего ниже средней нормы.

Другой пример: «На «Электросиле» (Ленинград) ребята говорят: «Сдавал у нас пробу слесарь, работавший раньше на заводе

Форда в Америке, когда его спросили, что он умеет делать, то он ответил, сумею завинтить 100 полудюймовых гаек в минуту. Вот и мы с рационализацией такими же слесарями будем. Посадили бы на конвейер стариков, им квалификацию получать не надо, а нам это дело не подходящее».

Есть и другие формы выражения этих настроений. Например, когда приходит хронометраж, ребята разными способами стараются понизить количественно выработку, чтобы не снизили расценки. А при большей выработке требуют большей оплаты и т. д.

Отрицательные отношения молодежи к вопросам рационализации производства заметнее выражались когда рационализация отдельных производств только начинала вводиться. Но более широкое и глубокое развертывание разъяснительной кампании, а так же накопившийся опыт по рационализации к настоящему времени значительно сгладили отдельные выпад против рационализаций, а так же случаи ее саботажа.

Возглавляла и возглавляет эти настроения обычно обывательски настроенная молодежь, ставящая личные интересы выше интересов общественных. Поддерживаются эти настроения главным образом пришедшими на завод недавно из деревни или связанными с ней.

Однако, чуткое, внимательное отношение рабочей молодежи к рационализации, понимание ее значения для социалистического хозяйства является бесспорным фактом. Это убедительно подтверждается тем, что вопросы рационализации, обсуждавшиеся в конкретной практической постановке, на комсомольской ячейке, на собрании рабочей молодежи, вызывают большой интерес и активность. Собирают массу предложений, носящих в большинстве практический, деловой характер. В качестве иллюстрации можно было бы много примеров привести, остановимся на наиболее характерных.

В Москве, на фабриках *Соболевско-Щегловское*, *Реутово*, *Болшиха* и др., кроме ячейковых собраний проводились конференции рабочей молодежи, обсуждавшие вопросы рационализации своего производства, выступали молодые рабочие, вносили много предложений, сводящихся: к сокращению брака, к наибольшей нагрузке рабочего дня, к лучшей организации труда и т. д.

В *Ижевске* ячейки обсуждали доклады зав. производствами, директоров, заводских специалистов. На собраниях присутствовало много беспартийной рабочей молодежи, собрано много предложений, касающихся улучшения взаимоотношений со специалистами, экономного пользования материалами и инструментами и т. д.

Рационализация производства в повседневной практической работе вызвала также усиленную деятельность комсомольцев и рабочей молодежи в работе производственных комиссий, производственных совещаний; комсомольцы и рабочая молодежь организованно вносят и отстаивают свои предложения, но к этому надо добавить, что предложения молодежи не всегда встречают внимательные отношения, что отрицательно действует на молодежь, старающуюся участвовать в рационализации.

В предварительных практических итогах по рационализации производства можно прежде всего отметить усиление среди молодежи производственной дисциплины, показателем этого может

служить понижению прогулов молодежи в производстве, более бережное и экономное отношение к инструментам и материалам.

Ряд крупных промышленных районов указывает на систематическое снижение прогулов среди молодежи за последние месяцы. Например, по некоторым предприятиям Москвы прогулы среди молодежи с конца прошлого 1926 года к настоящему времени снизились с 13 до 2%.

В Ленинском районе (Баку) в конце прошлого года прогулы молодежи доходили до 10 процентов к общему числу прогулов в производстве, теперь прогулов среди молодежи нет. Устанавливается нормальное отношение молодежи к специалистам вокруг вопросов рационализации. На специалистов смотрят не как на «подгонялку», а как на администратора, которому поручена организация дисциплины в производстве, хотя не исключены случаи, когда спец вводит дисциплину, а некоторые группы молодежи, привыкшие работать спустя рукава, противодействуют этому.

Подозрительные, подчас враждебные отношения к специалистам со стороны молодежи, особенно в отсталой и обывательской ее части идут по линии недоверия ко всякого рода нововведениям в производстве, особенно касающихся уплотнения рабочего дня, повышения выработки.

Одновременно с повышением производственной дисциплины молодежь настойчиво, систематически нащупывает всякие возможности, могущие дать экономии в производстве. Имеется целый ряд фактов, когда молодежь использует, исправляет, пускает в работу заброшенные оборудования, станки, вводит много мелких технических усовершенствований, обеспечивающих сбережение рабочей силы и материала.

Например, в Ленинграде, в паровозно-механической мастерской комсомольцы через новое приспособление к сверлильным станкам дали экономии 1.700 руб.

В Москве, на заводе «АМО», комсомольцы выдвинули предложение «об организации экспериментальной мастерской, позволяющей делать анализ материалов, до выработки из этих материалов частей», что должно дать большое снижение брака. Предложение было принято, мастерская организована и оборудована и в результате — громадная экономия денег, материалов и рабочей силы.

Не представляется возможным перечислить всех разнообразных форм, через которые молодежь участвует в рационализации своего производства. Главные же пути — это экономия, стремление к лучшей организации труда, введения технических усовершенствований в производство, усиление производственной дисциплины.

На фоне рационализации производства растут группы молодых изобретателей, не объединенные еще в коллективы, подчас не имеющие над собой технического наблюдения и руководства, но все же дающие много ценных технических приспособлений. Пока деятельность молодых изобретателей сводится главным образом к усовершенствованию и лучшему приспособлению к условиям производства уже имеющихся технических установок. Но есть многочисленные случаи, когда молодые рабочие изобретают ценные, новые изобретения, при чем техническая их сложность признается специалистами.

Лучшим примером этого может служить следующее: Мальцевский Трест объявил конкурс на лучшую безгазовую пшшку; в число записавшихся на конкурс, преимущественно специалистов, записался комсомолец *Степичев*. В результате конкурса комсомолец дал наилучшее изобретение, которое, как типовое, было принято для применения в производстве.

Комсомольские ячейки в производстве, еще не сумели организовать этих молодых изобретателей и создать вокруг их работы соответствующее внимание производственных организаций, а также хозяйственников и специалистов.

В процессе работы по рационализации намечается новая форма организованного участия молодежи в жизни производства. Этими формами явились кружки и *группы молодых рационализаторов*, которые ставят себе задачи повышения ответственности каждого участника за работу, инструмент и материалы, которые ему доверяются на производстве. Обсуждение участниками кружка всех вопросов производства своего цеха, в свете их соответствия условиям рационализации, наметка и учет предложений, обеспечивающих улучшение производства, и т. д. Такие группы и кружки получают сейчас широкое распространение.

При массовом участии молодежи в рационализации, на ячейки ВЛКСМ в производстве выпала сложная задача руководить всеми проявлениями сознательного отношения молодежи к производству и в частности к его рационализации. Ячейки ВЛКСМ не выпустили из своих рук инициативы и руководства участием молодежи в рационализации, но все же массовый подъем, вызванный рационализацией производства, и как его следствие — повышенная активность молодежи, направленная к улучшению производства, недоучитывается ячейками. И часто отдельные проявления этой активности не носят организованного характера, так как ячейки ВЛКСМ оказываются неспособными одновременно охватить руководством в полном объеме всех выражений производственного подъема.

Рационализация отдельных производств встретила активное содействие молодежи в целом. Имеются большие практические достижения молодежи в области рационализации, которые обуславливаются фактами конкретного, повседневного участия молодежи в налаживании своего производства.

В дальнейшей работе комсомола в рационализации производства необходимо, незамедляя, не задерживая того размаха, который проявлен рабочей молодежью в качестве содействия и участия молодежи в рационализации, лучше учитывать его отдельные конкретные проявления. Ячейки ВЛКСМ должны организованнее проводить и помогать продвижению предложений молодежи.

Необходимо вокруг вопросов рационализации всемерно сближать молодежь со специалистами в производстве.

Нужно сохранять и укреплять новые формы участия молодежи в жизни производства, выдвинутые рационализаторской практикой и в целях наилучшего руководства молодежью и ее участием в рационализации; центр тяжести руководства этой работы перенести на производственные ячейки.

С этой целью перед ячейкой нужно поставить ряд плановых, конкретных заданий.

Межнациональный антагонизм и задачи интернационального воспитания

Политика коммунистической партии в национальном вопросе всецело направлена к тому, чтобы дать всем ранее угнетаемым национальностям подлинную свободу, возможность управлять государством, развивать свою национальную культуру, восстанавливать экономическую мощь, участвовать в социалистическом строительстве.

Этот вопрос из стадии теоретических рассуждений вышел давно. Партия своей настойчивой работой сумела разрешить основные проблемы в национальном вопросе.

Факты: организация целого ряда автономных областей и республик на территории РСФСР, самоопределение других национальностей, сотни лет страдавших под игом великодержавного шовинизма, национальное размежевание средней Азии, земельно-водная реформа, проведенная там же, и много других мероприятий, ведущих к улучшению положения ранее угнетаемых наций.

Наша страна на новом историческом пути. Этот путь — социалистическое строительство и задача приобщения трудящихся масс национальных республик к строительству социализма — есть центральная задача партии.

Остановимся на Востоке и спросим:

— Что нужно сделать, чтобы облегчить это приобщение трудящихся масс национальных республик к строительству социализма?

На этот вопрос тов. Сталин в своей речи о политических задачах коммунистического Востока дает обстоятельный ответ. Он говорит:

«1) Создать промышленные очаги в советских республиках Востока, как базы для сплочения крестьян вокруг рабочего класса...»

2) Поднять сельское хозяйство и прежде всего орошение.

3) Поднять и двинуть вперед дело кооперирования широких масс и кустарей, как вернейший путь включения советских республик Востока в общую систему советского хозяйственного строительства...»

4) Приблизить советы к массам, сделать их национальными по составу и насадить, таким образом, национально-советскую государственность, близкую и понятную трудящимся массам.

5) Развить национальную культуру, насадить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке для подготовки советско-партийных и профессионально-хозяйственных кадров из местных жителей.

Выполнить эти задачи — это именно и значит облегчить дело социалистического строительства в советских республиках Востока.

На выполнении этих основных задач сейчас и сконцентрировано все внимание, все силы трудящихся Востока. Под руководством коммунистической партии там сейчас ведется упорная работа по расширению промышленности, улучшению сельского хозяйства (орошение и др. работы), кооперированию разрозненного крестьянского населения, насаждению культурных очагов, помогающих отсталому населению национальных республик выкарабкаться из вечной темноты, встать на широкий путь творческой самостоятельности на социалистическом поприще.

И надо сказать, что во всех этих отношениях за последние годы национальные республики сделали гигантский шаг вперед. Мы теперь можем видеть там десятки фабрик, заводы, электрические станции, вокруг которых формируются кадры национального пролетариата, мы можем видеть там десятки высших и средних школ различных направлений, готовящих культурных работников для социалистического хозяйства, мы знаем, что политическая активность трудящихся в национальных республиках возросла до огромных размеров.

Советы сумели приблизиться к массам, втянуть эти массы в активную работу. Все общественно-политические организации насыщаются массами трудового национального населения.

Все это есть результат правильной национальной политики коммунистической партии.

Было бы несправедливо, если бы мы не остановились на трудностях. А надо сказать, что работа в республиках Востока протекает в немноверно трудных условиях, эта трудность еще более усугубляется тем, что многие работники неправильно понимают национальную политику партии, откуда вытекают два уклона, существующие в практике работы на Востоке.

Первый уклон заключается в том, что товарищи, не учитывая национальных особенностей республики, где они работают, хотят механически перевести к себе те формы хозяйственного строительства, которые применяются в центре Союза республик, которые не могут соответствовать условиям данной области. Вредность этого уклона состоит в том, что он ведет к отрыву от масс, и «перерождению в левых фразеров». Этот уклон тов. Сталин называет одним словом — «упрощение», означаящим стремление упростить политические и хозяйственные задачи, стоящие перед советскими республиками Востока.

Второй уклон не менее вредный и опасный. Он заключается «...в преувеличении местных особенностей, в забвении того общего и главного, которое связывает советские республики Востока с промышленными районами Советского Союза, в замалчивании социалистических задач, приспособлении к задачам узкого и ограниченного национализма. Товарищи, допускающие этот уклон, мало заботятся о внутреннем строительстве своей страны, они предпочитают предоставить это развитие естественному ходу вещей. Для них главное не внутреннее строительство, а «внешняя» политика, расширение границ своей республики, тяжба с окружающими республиками, желание отхватить у соседей лишний кусочек и поправиться, таким образом, буржуазным национальностям своей стра-

ны. Результатом этого уклона является отрыв от социализма и перерождение в обычных буржуазных националистов».

Не редко в этих двух группировках участвуют и комсомольцы, которые впоследствии вносят в комсомол нездоровые настроения. Об этих настроениях мы сейчас подробно и скажем.

О настроениях в комсомоле

Болезненные настроения среди части комсомольцев на национальной почве хотя и потеряли свою прежнюю остроту, но они все еще продолжают существовать. Выражается это прежде всего в поддержке частью комсомольцев существующих группировок, о которых речь шла выше, и затем в целом ряде осложнений, возникающих в процессе практической работы между комсомольцами-европейцами и комсомольцами коренных национальностей.

Если мы разделим национально-невыдержанные элементы союза на коренников и европейцев и проследим за характером существующей между ними тяжды, то получится такая картина.

Европейцам, не понимающим национальной политики коммунистической партии, кажется не верным, что молодежь коренных национальностей с особой решительностью втягивается во все поры общественной жизни, что национальную молодежь посылают учиться, открывают для нее курсы, школы, предоставляют различные льготы, проводится огосударствление коренного языка и поэтому они начинают вопить: «нам не дают ходу», «заставляют изучать чужой язык», «везде и всюду суют националов» и т. п. Они не желают понять того элементарного положения, что смысл существования национальных республик заключается в том, чтобы привлечь широкие массы трудового национального населения к активному участию в государственной жизни, в строительстве социалистического хозяйства, и что для этого необходимо создать целый ряд благоприятных условий для данной национальности. Они не могут понять и того, что их роль в обстановке национальной республики сводится к тому, чтобы помогать активу и комсомольцам коренной национальности в их повседневной работе, учить их тому опыту, который имеют они (европейцы), благодаря этому отдельные активисты-европейцы иногда позволяют недопустимые вещи. К категории «недопустимы» вещей можно отнести хотя бы такой факт:

Из центра России для работы в Средней Азии приехал один товарищ. Не успел он как следует приглядеться к обстановке, а уже сделал «умозаключение».

Он со свойственным каждому многовоображаемому гонором заявил:

— Пора бросить нянчиться с этими «пешками» (национальным активом. — В. С.).

Такие поспешные выводы, само поведение некоторых активистов и обостряет иногда национальные отношения. Неправильный подход европейской части актива к национальному и вызывает недоверие последних к русской части актива.

Коренники, отчасти благодаря такому отношению к ним европейцев и влиянию националистов, на русских смотрят, как на колонизаторов. Не понимают значения русской части актива как «помощников», преувеличивают порой ошибки, допускаемые европейцами. Отсюда такого рода разговорчики:

«Колонизаторы», «чужаки», «зажимают национальный актив» и т. п.

Все это вместе взятое — и частичное проявление великодержавного шовинизма и роста туземного национализма — есть большое зло, препятствующее делу сплочения молодежи всех национальностей вокруг задач комсомола, отвлекающее значительную часть организаций от повседневной практической работы, мешающее развитию комсомола в нацобластях и республиках.

Иногда на придачу вражды европейцев с коренниками возникает борьба между туземными национ. группами, что еще больше осложняет положение. Такая вражда (больше всего носит форму родовой вражды, но и она, безусловно, не безвредна. В Казахстане, например, происходят нелады между казаками и таранчинцами. Они ведут борьбу и за место в комитете, и за своего лишнего человека в сельсовете, и по вопросам раздела земли. Все это, конечно, весьма и весьма отвлекается на национальном единстве организации, препятствует развитию союза. Как против великодержавного шовинизма, туземного национализма, так и против родовой борьбы надо вести упорную борьбу.

О „портфеле“, „национальной арифметике“ и прочих „мелочах“

Борьба за портфель, стремление представить в комитетах большее количество людей «своей национальностью, борьба из-за лишнего «своего человека» в президиумах подчас весьма и весьма осложняет межнациональные отношения.

Возьмем ли мы конференции, собрания, и там мы неизбежно встретим людей, занимающихся арифметическими вычислениями. Эти люди сидят и корпят над тем, как распределить места в комитете, чтобы и «волки были сыты и овцы целы». Такие подсчеты очень удачно названы «национальной арифметикой», вокруг которой и происходят постоянные споры.

Борьба за «портфель» иногда доходит до крайностей. Эту крайность просто можно назвать личным карьеризмом, ради которого пускаются в ход и провокационные меры, обостряющие национальные отношения.

Из Джетысуйской губернии нам пишут:

«Некоторые активисты «союза — таранинцы, стремящиеся занять более ответственную должность, распространяют слухи и ведут агитацию среди молодежи и взрослого населения о том, что на днях организуется автономная таранчинская область и теперь мы будем сами руководить и властвовать». Такие «шутки» причиняют не малый вред не только комсомольской организации, но и партии и правительству. Такое поведение отдельных активистов есть отявленный национализм, против которого необходимо вести беспощадную борьбу.

Бывают и такие случаи, когда национальные дразни возникают по совершенно пустяковому поводу. Это объясняется ребячеством, котрым одержимы еще отдельные наши активные работники. Некоторые из них просто страдают манией преследования, они в каждом слове, в каждом движении ищут «причины», желают разоблачить в чем-то, чтобы потом «раздуть кадилло».

Вот образец того, как иногда раздувают «из мухи слона».

В одной из смешанных по своему национальному составу ячеек Средней Азии выбрали двух секретарей — русского и узбека. Вскоре заметили, что вместо дружной работы двух секретарей — полный разлад, несработанность, вражда. Дело дошло до высшей инстанции. Разобрали. Выяснили. Оказалось, что главной причиной «этой неприязни» был отчаянный спор о том, кому выше подписываться на бумагах, кому ниже. И так как русский секретарь подписывался выше, то его обвинили в «зажиме» национальной актива, и этот «пустячок» оформился в национальную склоку.

На почве национальной вражды у некоторой части русских работников (Казаккрай) появилось настроение уехать из Казаккрая.

Свое стремление они объясняют так: «националы наступают» «заставляют изучать свой язык» и т. п.

Такова в основном картина межнациональных отношений на Востоке, которая настоятельно диктует нам о всемерном развитии работы по интернациональному воспитанию широких слоев комсомольцев и рабоче-крестьянской молодежи.

Межнациональная вражда и ее корни

Межнациональная вражда прежде всего есть пережитки старого царского строя, эта ненависть к другим национальностям будет жить на протяжении десятков лет, пока живут старые поколения, воспитанные в духе непримиримой национальной вражды. Это, конечно, вполне естественно, но мы можем наблюдать и другие корни национализма.

В условиях теперешней обстановки, когда партия, правительство, значительные свои силы отдают делу интернационального воспитания молодого поколения, дабы стереть существующие национальные грани, сплотить трудящихся СССР вокруг главнейшей задачи страны — социалистического строительства, находятся люди, сеющие национальную вражду как среди взрослого населения, так и среди молодежи. Эти люди, во-первых, остатки национальной буржуазии, во-вторых, консервативная национальная интеллигенция и, в-третьих, духовенство и кулацко-байские элементы.

Пользуясь отсталостью населения, они натравливают нацию на нацию. Правда, больших результатов им достигнуть не удастся, но, тем не менее своими действиями они препятствуют скорейшему объединению трудящихся всех национальностей под знаменем интернационализма, направляют на пагубный путь ограниченного национализма подрастающее поколение.

«Капитал есть сила международная, — писал тов. Ленин в 1921 году в письме к рабочим и крестьянам Украины. — Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их».

Такая необходимость сплочения трудящихся всех национальностей в один союз встречается не только в борьбе с мировым капиталом, но даже и тогда, когда мы занимаемся нашей внутренней строительной работой, ибо кулацкие элементы, поповщина и прочий старый сброд, независимо от национальности, одинаково стремятся помешать нашей работе, разжигают межнациональную вражду и используют это в своих интересах.

О кулацко-байском „интернационализме“

Нет ничего неожиданного в том, что кулаки-баи разных национальностей в целях борьбы с бедняцкими элементами деревни, аула, кишлака, создают свой блок. Это весьма поучительные факты, бросающие свет на хитроумные махинации, направленные против бедняков, за овладение главенствующей роли в деревне и кишлаке этим кулацко-байским блоком.

Мы имеем любопытный факт этого кулацко-байского «интернационализма», который базируется на классовой платформе.

В отдельных местностях Джетысуйской губернии (Казак-край) казакский бай и русский кулак, объединившись в один блок, натравливают бедноту одной национальности на другую. Это им нужно, как мы говорили выше, для того, чтобы ослабить организацию бедноты и свободней заниматься своими «делишками». Этот блок нередко влияет на молодежь и использует ее в своих интересах.

Один бедняк, по национальности казак, не по душе пришелся баю, тоже казаку. Надо было бедняку причинить неприятность, но он самолично этого сделать не решался. Он обратился к русскому кулаку и рассказал в чем дело. Русский кулак предложил баю свои услуги и бедняк-казак был избит.

Кем же он избит?

Он был избит русской молодежью, вдохновленной кулаком.

Этот факт говорит о том, что кулаки, и баи разжигают национальный антагонизм среди бедноты, втягивают в эту национальную борьбу молодежь и укрепляют между собой связь, основанную на классовых интересах. Этот кулацко-байский «интернационализм» необходимо разоблачить в глазах бедноты и молодежи. Дать решительный отпор стремлениям кулацко-байского блока, разжигающего национальную страсть.

Об антисемитизме

Скоро мы будем праздновать десятилетие нашей пролетарской победы. Но на теле общества все еще продолжает сидеть язва антисемитизма.

Это наследственная болезнь, оставленная нам старой помещичье-капиталистической Россией, имеет затяжной характер, ибо ее бактерии на протяжении сотен лет искусственно вприскивались царскими погромщиками в кровь и мозг русскому рабочему и крестьянину.

Мы были свидетелями того, как за последние годы кое-где нарывались эти язвы, заражали слабый организм молодого поколения.

Кто распространяет эту заразу, нам более или менее известно. Кому, как не старому царскому чиновнику, уцелевшему помещику, православному торгашу и им подобным нужна травля на евреев?

Только и только им, врагам революции выгоден этот, сотнями лет выработанный метод разложения классовых сил пролетариата. Но мы также являемся и свидетелями того, как отдельные представители рабочего класса попадают в хитро раставленные нашими врагами сети и бессознательно потворствуют развитию антисемитизма. Часть молодежи тоже поддалась этому вредному влиянию, она также, не понимая губительного значения антисеми-

тизма для общества, стремящегося к социализму, является отголоском наших врагов.

Что говорит эта молодежь о евреях? Нам всем известно о чем она говорит. Если спросить об этом современного «жидоеда» (есть и старье, те окромя прочего и насчет христианской крови, которую евреи «кладут» в пасхальную мацу, могут любому интересующемуся рассказать), то он тебя засыплет уже зазубренными вопросами:

- Почему евреев нет на производстве?
- Почему все евреи торгуют?
- Чем объяснить, что евреи не занимаются крестьянством?
- Почему все евреи сидят в трестах, других теплых местечках и комиссарствуют?
- Почему евреев нет в Красной армии?
- Почему евреи пролезают в вузы? — и так без конца.

Конечно, если абстрактно рассмотреть все эти вопросы, да и к тому же еще с некоторым пристрастием, то за каждым можно начитать тысячи «смертных» грехов, но почему-то они не хотят разузнать правды о евреях, изучить социальные корни антисемитизма, не хотят понять того, что только на Украине десятки тысяч евреев состоят в производственных союзах.

Для убедительности приводим цифры о составе евреев по отдельным производственным союзам.

Профсоюз деревообделочников насчитывает в составе 1462 ч. евреев, что составляет 23,1%, кожевников—3472—38,1%, металлостроителей—4041—3,9%, печатников 2514—34,7%, пицеевиков (заняты преимущественно в табачном производстве) 5394—30,5%, строителей—2701—13,8%, текстильщиков—884—12,4%, швейников—1871—83,6%, транспортных рабочих—2610—22,8%.

В производственных союзах: рабис—1570—39,1%, медсантруд—9758—27,3%, совработников—12.285—28,3%.

Если взять еще Белоруссию и ознакомиться с цифрами о составе евреев в тамошних производственных союзах, то каждому станет ясным вся неосновательность выводов о том, что евреи безучастны в производственной работе, и т. п.

А эти цифры, надо сказать, весьма убедительно и красноречиво говорят о громадной роли евреев в производственных союзах Белоруссии:

В союзе деревообделочников евреи составляют 36,5% общего количества членов, кожевников—73,68%, печатников—77,06%, строителей—59,86%, швейников—93,45%, транспортных рабочих—48,08%.

Также и относительно участия евреев в обработке земли мы знаем, что тысячи евреев сейчас трудятся на полях Украины и Крыма, ведут трудовой образ жизни.

В глупом положении можно оказаться, если не знать того, что еврейское население участвует в строительстве Красной армии. Этого как раз и не знают люди, с сарказмом спрашивающие:

— Почему евреев нет в армии?

Есть-есть. Их в территориальных полках Украины и Белоруссии настолько много, что политчас ведется на родном еврейском языке.

Нас могут спросить:

— Почему это все в Украине да Белоруссии?

Потому, что Украина имеет около 50% еврейского населения СССР, потому, что в Белоруссии 10,7% всего населения составляют евреи. Там они более сконцентрированы, чем где бы то ни было.

Теперь перейдем к вопросу об опасностях антисемитизма для комсомола. А эта опасность, надо откровенно сказать, есть. Она выражается в том, что антисемитские настроения начинают проникать в комсомольскую среду, вносить в нее межнациональную вражду, в том, что отдельные комсомольцы тоже начинают заниматься «ремеслом», называемым «жидодеством».

Насмешки, остроты, издевательства, допускаемые отдельными комсомольцами по отношению к еврейским парням, даже состоящим вместе с ними в одной организации — комсомоле, и есть проявление антисемитизма.

Дело было в одном районе Москвы, его двое ребят описывают так:

«..В инструментальном депо старший инструментальщик был в отпуску, замещал его слесарь комсомолец Кошевский, член бюро ячейки. Для поступления на работу сдавал пробу еврей, ранее работавший у кустаря. Пробу сдал, спрашивает у Кошевского, что теперь делать. Начинаются для этого еврея мытарства и насмешки. Члены бюро ячейки Кошевский и Нефенчев вместо того, чтобы дать работу или направить его к мастеру для назначения на работу в одной из бригад, послали к кузнецу наварить кувалду, к меднику спаять пилу и другое, что безусловно вызвало общий смех. Наконец, эти же комсомольцы, члены бюро, без ведома мастера заставили пришабривать тормозные колодки по скату, которые никогда не пришабриваются. Рабочий день этого товарища прошел ни за что; характерно, что бюро ячейки и ячейка в целом по этому вопросу ничего не сделали».

Есть ли это проявление антисемитизма. Конечно есть. Поэтому нам необходимо повести решительную борьбу против антисемитских настроений в союзе, т. к. он начинают добираться и до актива, что еще более усугубляет опасность.

Такое положение вызывает необходимость проработки в союзе вопросов об антисемитизме, откуда берется его начало, кому он нужен и т. п. Надо шире развернуть работу по разъяснению комсомольцам и беспартийной рабоче-крестьянской и служащей молодежи правды о евреях. Этим делом с особенным упорством в ближайшее время должны заняться наши комсомольские ячейки совместно с партией и профсоюзами.

Надо объявить генеральное наступление на антисемитизм, мобилизовать для этого широкие массы комсомольцев.

Задачи интернационального воспитания

Мы познакомились с нездоровыми явлениями в отношениях между национальностями. Мы выяснили, что эта межнациональная вражда, антисемитские настроения основательно вредят делу сплочения рабочего класса вокруг задач партии, правительства, ослабляют его силы. Так можем ли мы дальше, зная это, хладнокровно смотреть, ничего не делать?

Безусловно, не можем. Развитие некоторых нехороших настроений среди молодежи происходило еще и потому, что мы слишком мало уделяли им своего внимания, не понимали вредного

значения всех этих настроений. А теперь мы должны удесетарить свое внимание, напротив силы, чтобы избавить молодежь от этих весьма опасных заблуждений.

Интернациональное воспитание рабоче-крестьянской молодежи, внедрение в их сознание необходимости международной братской солидарности рабочих—задача не легкая. Ее надо вести повседневно и при участии широких масс комсомола. Эта работа отнюдь не должна заключаться исключительно в письменной связи наших организаций с зарубежными. Шефство над зарубежными ячейками, интернациональный пятачок, приезд иностранных делегаций рабочей молодежи в СССР, конечно, имеют колоссальное воспитательное значение в духе братской солидарности с рабочей молодежью всех национальностей, эту работу мы должны еще шире развивать, втягивать в нее новые слои молодежи, но мы также не должны забывать и задачи, направленные к полному национальному единству рабоче-крестьянской молодежи нашего союза республик. Это не менее важная задача момента, вокруг которой нам сейчас необходимо сконцентрировать лучшие силы союза.

Мы знаем практику шефства промышленных организаций союза над организациями национальных республик. Оно в большинстве случаев сводилось к обмену опытом работы между шефствующей и подшефной организациями, но больших задач интернационального воспитания членов как той, так и другой организации не ставилось. Теперь надо во всю ширь поставить вопрос об использовании такого шефства в целях интернационального воспитания молодежи. Было бы плохо, если бы мы всю нашу работу свели к переписке. Это, правда, один из элементов интернационального воспитания, но не главный. На наш взгляд главной задачей организации союза в деле интернационального воспитания молодежи должно быть серьезное изучение положения рабочей и крестьянской молодежи национальных республик. Национальные особенности этой республики, быт молодежи, положения этой молодежи в бытность царя. Такая работа сможет воспитать у молодежи чувство искреннего отношения к молодежи других национальностей потому, что она будет знать ее историю, ее быт, труд и т. п.

Антисемитизм в среду молодежи пускает свои корни. Против антисемитских настроений нам необходимо объявить войну, войну упорную; кропотливую, длительную. На порядок дня союзу необходимо поставить вопрос о широкой кампании по раз'яснению молодежи вредности антисемитизма, по раз'яснению правды о евреях не для того, чтобы потом эту работу прекратить и гордиться—вот где—мы кампанию провели, а для того, чтобы сделать ощутительный толчок, поднять на ноги весь союз, мобилизовать вокруг этого вопроса все силы и мнение и в дальнейшем продолжать эту работу, используя клубы, юнсекции, политшколы, собрания, вечера молодежи и т. д.

На наш взгляд, юношеская пресса все же недостаточное внимание уделяет вопросу борьбы с антисемитизмом. Эту работу нашим молодежным газетам следовало бы развить до максимума. Так же надо использовать и стенные газеты.

Остановимся еще на одном последнем вопросе—это борьба против межнациональной вражды внутри национальных областей и республик. Надо понять одно, что все эти дрязги, национальный

антагонизм, возникающий среди комсомольцев и активистов, является в большинстве случаев следствием непонимания ребятами национальной политики партии. Поэтому наряду с работой по интернациональному воспитанию рабоче-крестьянской молодежи и комсомольцев надо вести систематическую работу по разработке в комсомоле партийной политики в национальном вопросе, каждому активисту обязательно надо познакомиться с трудом Ленина по национальному вопросу и растолковать это рядовым комсомольцам.

Тов. Ленин, отвечая на вопрос, как бороться с недоверием, существующим между великорусскими и украинскими коммунистами, говорит:

«Лучшее средство к тому — совместная работа по отстаиванию диктатуры пролетариата и Советской власти в борьбе против помещиков и капиталистов всех стран, против их попыток восстановить свое всевластие»¹.

И мы скажем, что лучшее средство к тому есть также дружная, совместная работа по строительству социализма.

Этого не надо забывать ни одному рядовому комсомольцу, и тем более активисту.

¹ Ленин. Том XVI, стр. 462—463.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ

Г. БЕРГМАН

Дела и люди

„Мы переживаем такие великие дни, когда люди проходят, как тени, но дела их остаются, как скалы“.

Г. Кржижановский. 1920 г.

„Что мы теперь наблюдаем, я иначе не могу назвать, как кризисом приспособления человеческого материала к новым производственным отношениям... Мы имеем здесь явную диспропорцию, явную „ножницы“.“

Е. Преображенский. 1927 г.

1. Дела и люди

В Женеве на экономической конференции столкнулись, как говорится, «лицом к лицу» две идеи, два класса, два мира: буржуазия и пролетариат. Представители буржуазии говорили, как всегда, много лживых речей, в которых из-под словесной шелухи явственно выглядывало волчье обличье собственника. Но один из этих господ был весьма откровенен. Это — Сименс, представитель Германии, один из крупнейших германских капиталистов. В то время, как другие делегаты говорили о конкретных вещах, о таможенных тарифах, о кредитах и т. п., обо всем том, от чего зависит снижение или повышение прибыли той или иной капиталистической группировки, Сименс взял на себя роль, так сказать, «философа» конференции. Вооруженный тяжелый артиллерист крупного капитала, защищенный от любой новой идеи щитом буржуазной ограниченности, Сименс прочел делегатам лекцию о непреложности всех тех «вечных» «стимулов прогресса», которые он называет «личной инициативой», т. е. интересов частной собственности:

«Исключите индивидуализм из экономики, и вы отрежете всякую возможность прогресса».

Таково незамысловатое «евангелие» буржуа.

И, конечно, он по-своему прав: он прав для своего, для капиталистического строя.

... На протяжении полтысячи лет существования товарного хозяйства, это товарное хозяйство нащупало в человеческом материале то, что ему было нужно, воспитывало его систематически в этом духе и создало такой тип отношений, создало такие стимулы к труду, которые свойственны данной системе¹.

Каковы выводы из этого исторического анализа применительно к нашей эпохе и к интересам победившего пролетариата и его государства?

¹ Е. Преображенский. Из речи в Коммунистической Академии. (Цитирую по стенограмме).

Перед пролетариатом стоит схематически та же задача, которую «полтысячи лет» осуществляло товарное хозяйство и ее социальный носитель — буржуазный класс.

„Эту огромную работу мы должны проделать для того, чтобы из человеческого материала, полученного, с одной стороны, из нашего отдаленного прошлого, со всеми его биологическими данными, с другой стороны, из наследия, которое на нем оставило печать, которое осталось от буржуазного, от мелкобуржуазного периода, — мы из этого материала должны взять то, что нужно для нашего строительства. И, следовательно, перед нами здесь стоит задача приспособить человеческий тип к новой системе отношений. Насколько здесь колоссальная работа, насколько здесь мы сделали еще ничтожные шаги, насколько опасно хвастовство, самохвальство и пустословие в этом отношении, — это ясно всякому. *Буржуазное влияние на нас пробивается с такой стороны, где мы его, собственно говоря, не ожидали*“¹.

Громадную важность «приспособления человеческого типа к новой системе отношений» следует подчеркнуть еще более густой чертой, чем это сделал т. Преображенский в своей речи в Коммакадемии, вернее, следует расширить значение этого «приспособления» до пределов фактора всемирно-исторического. Почему? Потому что тот факт, что пролетариат вынужден строить социализм в одной стране, означает, что эта страна, т.-е. государственная организация пролетариата, политически и экономически борется с другими государствами же, т.-е. с государственными организациями буржуазии. Мы должны «обгонять» их. Темп нашего развития должен быть быстрее их темпа. А этот темп — при данном уровне материальных сил — полностью зависит от *людей*, т.-е. именно от «приспособления» человеческого материала к историческим задачам эпохи; людей к делам. Но российская революция есть часть и начало революции всеобщей. Поэтому все, что мы делаем здесь, идет на пользу или во вред пролетариату мировому. Больше того: все, что мы делаем, способно отдалить или приблизить, замедлить или ускорить, усложнить или облегчить самый момент революции в других странах, ее ход и ее победу. Такова неслыханная ответственность, легшая на плечи советского пролетариата. Сможет ли он ее оправдать? *Это целиком зависит от того, каковы будут те умы и руки, посредством которых он реально строит новое общество.*

2. „Ножницы“

Каковы же эти умы и руки? Вот здесь-то и сказываются «ножницы». Примеров можно было бы привести бесчисленное множество. Но в этом нет нужды. Достаточно взять «на выбор» какую-либо важную отрасль нашего строительства. Возьмем свежие факты из одной из важнейших областей текущего времени: мы говорим о снижении цен. И экономически и политически это есть такая задача, в которой каждый *революционер* может как следует «показать себя», показать все свое нутро, свое понимание государственно-классовых задач пролетариата, свою «приспособленность» к новой, социалистической «системе отношений». Что же мы видим на деле?

Люди из кожи лезут вон, чтобы как-нибудь «обойти» снижение цен, чтобы фактически *сорвать* это дело. Излюбленным «методом» этого *саботажа* является «молниеносное» ухудшение качества товаров. И напрасно пытаются иные ретивые «государственные мужи» малых и больших калибров изобразить дело так, будто это

¹ Е. Преображенский. Из речи в Коммунистич. Академии. (Курсив наш.)

явление — не массовое, не общераспространенное, будто тут дело в единичных искажениях. Нет, это неправда. Разве дело ограничивается тем, что в таком-то кооперативе сыр второго сорта стали продавать за первый? Чепуха! Целые *тресты*, целые группы трестов занимаются этим «делом». Вот, напр., сообщение из Харькова:

«Некоторые *тресты* выделывают такую же посуду, как и раньше, но иначе окрашивают ее и продают под другим названием по повышенным ценам».

Другие *тресты* уменьшают ширину мануфактуры. Третьи стали выделывать материю более тонкую и редкую, с меньшим количеством нитей. Четвертые накидывают копейки и рубли на упаковку товара.

Какое отношение имеет все это к нашей теме о новой эпохе и новых людях? Прямое отношение. Попробуйте представить себе конкретных, живых *людей*, стоящих во главе эдакого треста. Что они делают? Они *обманывают народ*. Они обманывают потребителя, т. е. массу. Они обманывают рабочее государство. Ведь сузить материю или переокрасить посуду, и в то же время написать в отчете, что «у нас цены снижены»; это есть мошенничество и ложь, достойные мелкого лавочника. Надо называть вещи теми именами, которыми они заслужили!

Это и есть «ножницы». Между социалистическими целями и достойными их социалистическими же методами стоит *человек*, «неприспособленный» ни к тем ни к другим. В *новой* (пролетарской) обстановке он действует *старыми* (буржуазными) методами, «Своя колокольня», «свое» предприятие — превыше всего.

Такова «психология». Но было бы совершенно не по-марксистски удовлетвориться констатированием наличия «психологии», не вскрывая ее корней и ее социального содержания. На недавнем совещании при одном из руководящих государственно-хозяйственных органов некоторые ораторы говорили об этой «психологии», не обнажая ее корней. Это — метафизика. Это — нежелание договорить до конца. Это — шаг к идеалистическому замазыванию реальных причин, реальной «сути» явления.

Каковы же действительные корни «психологии» «своей колокольни», — корни, из которых растет такое уродливое дерево, как обман народа, обман государства? Корни не только в «ветхом Адаме», в человеческо-«психологическом» наследстве, полученном от буржуазных веков. Корни следует искать также и в прямой *материальной заинтересованности* того аппарата, тех бюрократических группировок, которые «выкидывают коленца» с переокрашиванием посуды и т. п., которые бешено сопротивляются снижению цен, которые готовы пойти на все, чтобы отстоять *свой фактический доход*.

Здесь «давит», во-первых, весь наш чудовищно-пухлый многомиллионный аппарат. Он не хочет снижения цен за счет рационализации, потому что знает, что рационализация означала бы количественное сжатие аппарата (а того, что эта рационализация в конечном счете привела бы к расширению производства и, следовательно, к новому спросу на работников, этого он не понимает и не хочет понимать: для него существует только сегодняшний день). Но он не хочет и снижения цен без рационализации, ибо такое снижение возможно только за счет снижения прибылей. А снижения прибылей хозяйственный аппарат не хочет, по той простой причине, что он думает — и не без оснований — что от доходности предприятия зависит заработок работников аппарата.

Во-вторых, невозможно говорить о близком или многоликом составе аппарата в целом, не говоря о его верхушках. Эти верхушки также заинтересованы. Недаром в тех трестах, как например, в гос. электр. тресте, где были обнаружены непомерные прибыли, там же обнаруживаются и такие явления, как бесстыдная растрата денег на покупку десятитысячных квартир для ответственных работников, бесчисленные «командировки» и т. п. Всего этого наберется по несколько сот тысяч в каждом «уважающем себя» тресте, а в общей сумме составятся *десятки миллионов руб.*

Невозможно обойти вопрос об этом «стимуле» материальной, личной и групповой заинтересованности, об этом «стимуле» шиворот-навыворот (потому что он приводит к «поеданию» интересов общественных, обшечлассовых интересами групповыми), — невозможно обойти этот вопрос, когда мы пытаемся найти корни и содержание несоответствия между делом (социалистической целью) и людьми.

Невозможно также обойти и вопрос о социальном, классовом эффекте этой «политики» людей «своей колокольни». Мы действуем в классовом обществе. Каждый неверный шаг идет на пользу врагу. Все, что вредно для пролетариата, полезно для буржуазии. Однако постановка вопроса в такой общей форме недостаточна: мало сказать, что, напр., высокие розничные цены — желанное раздолье для частного; приходится сказать, что здесь бывает прямой экономический «контакт» между хозяйственным аппаратом и частным капиталом.

Например, в Ленинграде какое-то государственное предприятие *сбывает* свой запас цветных металлов на частный рынок, потому, что частник заплатил дороже. Другое государственное предприятие *покупает* эти металлы у того же частного, а затем, переработав их, спускает в виде готовых изделий потребителю по повышенным ценам. Что получилось? Кто выиграл и кто проиграл?

Выиграли:

1. Государственное предприятие, продавшее металл.

2. Частник.

3. Государственное предприятие, купившее металл и затем продавшее изделия потребителю.

А кто проиграл?

Проиграл потребитель. — т.е. масса, а двиную долю «выигрыша» получил, конечно, частник. В данном случае хозяйственный аппарат сыграл роль *приказчика частного капитала*. От «колокольни» психологини, от своекорыстия мелкобуржуазного состава аппарата, от погони за квартирами и курортами один шаг до прямого «контакта» с буржуазией, т.е. до своеобразной экономической измены¹.

Любовь, «ревность» к своему предприятию, своему делу — большая государственно-созидательная сила, *если* она исходит из правильно понятых социалистических интересов, и *если* она практически осуществляется не в ущерб общим интересам класса, государства, социализма. И есть — только маловато — люди, которые, исходя из такой любви к своему делу, всеми силами стараются

¹ Все это, как и злонамеренное ухудшение качества и т. п. особенно безобразно и преступно в настоящее время, когда государству грозит внешняя опасность и каждый клин, вгоняемый между государством и народной массой, политически ослабляет обороноспособность его.

поднять *свое* предприятие. Такая забота не противоречит «новой системе отношений», напротив, она является необходимым условием для укрепления новой системы. Точно так же новой системе не противоречит такая психология рабочего класса, когда он стремится поднять государственное хозяйство, исходя не только из общей социалистической цели, но и желания непосредственно поднять свой материальный уровень. И те люди, которые стараются на этой основе организовать социалистическое сознание пролетариата, — те люди, которые сами, своими умами и руками, стараются удовлетворить потребность своего предприятия *вместе* с потребностями всего государства, — эти люди являются уже в значительной степени *новыми* людьми. «Стимулы» их деятельности и являются движущими силами, присущими революционной эпохе, революционному классу.

А те, кто подменяет интересы общества интересами «местными», — все равно, коренится ли это в прямой корыстной групповой заинтересованности, или в «психологическом» буржуазном и мелкобуржуазном наследстве, или в бюрократической ограниченности (которая сама весьма часто коренится в заинтересованности), — все равно, такие люди — не новые люди. Это — вольные или невольные агенты прошлого в настоящем.

Кто может сменить их? Только молодежь, по той весьма простой причине, что, говоря, словами т. Преображенского, «старики умирают, как вам известно». Но хуже всего, опаснее всего то, что и молодые, попадая в эту мельницу старых систем, старых заскоружных «психологий», сами подчас перемальваются так, что и не отличишь: где старый, где молодой.

3. Революция и революционеры

Говоря о «людях и делах», мы взяли пример из экономики: именно здесь — фундамент, именно здесь в конечном счете решающий участок классового фронта, и именно здесь особенно отчетливо выступает противоречие между социалистической «целеустремленностью» эпохи и многими из тех, кто должен практически строить социалистическое хозяйство. Но, разумеется, дело далеко не в одной только экономике. Возьмем ли политику, культуру (в более узком смысле этого слова), быт — всюду найдем сплось и рядом это же несоответствие между делами и людьми.

В самом деле. Посмотрите пристально вокруг себя, и вы увидите, что далеко не о каждом своем товарище по работе, по организации, можно сказать: это — революционер.

Здесь, пожалуй, есть два «полюса», два противоположных типа, две психологии: революционер и мешанин. И между ними — большинство (мы говорим в данном случае не о десятиллионной толще класса, а о кадре работников государственного и других аппаратов, о кадре работников комсомола и т. д.).

Недавно я видел несколько десятков отзывов рабочих читателей о разных книгах, прочитанных ими в библиотеке Красно-Пресненского районного дома комсомола. Один из этих отзывов — о книге Степняка-Кравчинского. Читатель — тов. Т., с низким образованием, рабочий, кандидат ВЛКСМ, 18 лет, написал следующее:

«Андрей Кожухов» — прекрасная книга, рисующая борьбу революционеров семидесятых годов. Она как бы захватывает читателя и он вместе с ними переживает их героизм, самоотвержен-

ность, готовность свою личную жизнь отдать на дело партии. В ней искусной рукой автора выведены лучшие типы революционера, *такого революционера, каким именно должен быть настоящий революционер*.

Я не знаю, искренно ли написан этот отзыв. Но, конечно, во всяком случае есть у нас немало юношей и девушек, которые думают именно так, т. е. думают, что быть революционером это значит всю жизнь нести в себе одну основную идею, это значит быть непреклонным и яростным, как Кожухов, и, как он, непримиримым. Революционеры времен Кожухова боролись в одиночку и кучками, они не имели нитей, связывающих авангард с массой. Но теперь такое время, когда на первый план выступают массы, и быть революционером теперь — значит организовать массы. Поэтому я думаю, что рабочий Т., увлекшийся прекрасным образом старого революционера, поймет, что следовать старым образцам можно и нужно, но следовать по-новому. Их любовь и ненависть, их увлеченность революционной идеей, — все это надо взять, помножить на идею организации масс и вложить в то, — что для многих старых бойцов оставалось только мечтой, — в дело практического создания нового общества. Впрочем, все это ясно каждому, кто имел и сохранил в себе революционный «огонь»...

Мещанину же Кожухов не указ. Мещанин и в Ленине готов видеть... соглашателя. Я встречал таких умников. Хитро подмигивая, они «доказывают», что Ленин «позволил торговать», потому что «понял, что революция кончилась» (подлинные слова одного из моих собеседников). «Автор» этих слов — комсомолец; иные из умников носят и партбилет...

«*Революция кончилась*» — вот главный «девиз», написанный на розово-желтом «знамени» мещанина. В одном споре мещанина упрекнули в том, что он не борется с некоторыми безобразиями, и указали, что долг революционера — всегда стараться изменять окружающую его действительность. Он сказал: «Какой я революционер! Мы не революционеры. Это время прошло». Этот человек был комсомолец и кандидат партии. Думаете, какой-нибудь негодяй? Совсем нет. Он ничего предосудительного не делал и в общем добросовестно исполнял то, что ему поручали в организации, и то, что полагалось делать по службе. Что самое ужасное в его психологии? То, что скрывается под словом «мы»: — «Мы не революционеры». Не только о себе, но и о своих товарищах он думает так же. Он считает, что все — такие же, как он. Конечно, он жестоко ошибается. Но самая возможность появления такого мнения, самый факт состояния в революционной организации человека с такой психологией — это уже скверные симптомы. Симптомы чего? Прежде всего, недостаточности такого общественного воспитания, при котором каждый рабочий, а тем более член передовой организации мог бы на конкретных делах убеждаться в том, что революция *не* «кончилась»; что надо быть революционером, и, наконец, что, не будучи революционером, нельзя состоять в революционной организации.

Но почему и зачем идет мещанин в эту организацию? Из шкурных целей? И да, и нет. «Все записываются» — говорил один такой про комсомол, — «а я что, хуже людей?» — Тут всякое бывает. Иной надеется легче удержаться при сокращении, другой идет без всяких, так сказать, «конкретных задач», — но и без «огня» и

поднять *свое* предприятие. Такая забота не противоречит «новой системе отношений», напротив, она является необходимым условием для укрепления новой системы. Точно так же новой системе не противоречит такая психология рабочего класса, когда он стремится поднять государственное хозяйство, исходя не только из общей социалистической цели, но и желания непосредственно поднять свой материальный уровень. И те люди, которые стараются на этой основе организовать социалистическое сознание пролетариата, — те люди, которые сами, своими умами и руками, стараются удовлетворить потребность своего предприятия *вместе* с потребностями всего государства, — эти люди являются уже в значительной степени *новыми* людьми. «Стимулы» их деятельности и являются движущими силами, присущими революционной эпохе, революционному классу.

А те, кто подменяет интересы общества интересами «местными», — все равно, коренится ли это в прямой корыстной групповой заинтересованности, или в «психологическом» буржуазном и мелкобуржуазном наследстве, или в бюрократической ограниченности (которая сама весьма часто коренится в заинтересованности), — все равно, такие люди — не новые люди. Это — вольные или невольные агенты прошлого в настоящем.

Кто может сменить их? Только молодежь, по той весьма простой причине, что, говоря, словами т. Преображенского, «старички умирают, как вам известно». Но хуже всего, опаснее всего то, что и молодые, попадая в эту мельницу старых систем, старых заскоружлых «психологий», сами подчас перемальваются так, что и не отличишь: где старый, где молодой.

3. Революция и революционеры

Говоря о «людях и делах», мы взяли пример из экономики: именно здесь — фундамент, именно здесь в конечном счете решающий участок классового фронта, и именно здесь особенно отчетливо выступает противоречие между социалистической «целеустремленностью» эпохи и многими из тех, кто должен практически строить социалистическое хозяйство. Но, разумеется, дело далеко не в одной только экономике. Возьмем ли политику, культуру (в более узком смысле этого слова), быт — всюду найдем сплошь и рядом это же несоответствие между делами и людьми.

В самом деле. Посмотрите пристально вокруг себя, и вы увидите, что далеко не о каждом своем товарище по работе, по организации, можно сказать: это — революционер.

Здесь, пожалуй, есть два «полоса», два противоположных типа, две психологии: революционер и мещанин. И между ними — большинство (мы говорим в данном случае не о десятиллионной толще класса, а о кадре работников государственного и других аппаратов, о кадре работников комсомола и т. д.).

Недавно я видел несколько десятков отзывов рабочих читателей о разных книгах, прочитанных ими в библиотеке Красно-Пресненского районного дома комсомола. Один из этих отзывов — о книге Степняка-Кравчинского. Читатель — тов. Т., с низким образованием, рабочий, кандидат ВЛКСМ, 18 лет, написал следующее:

«Андрей Кожухов» — прекрасная книга, рисующая борьбу революционеров семидесятых годов. Она как бы захватывает читателя и он вместе с ними переживает их героизм, самоотвержен-

ность, готовность свою личную жизнь отдать на дело партии. В ней искусной рукой автора выведены лучшие типы революционера, *такого революционера, каким именно должен быть настоящий революционер*.

Я не знаю, искренно ли написан этот отзыв. Но, конечно, во всяком случае есть у нас немало юношей и девушек, которые думают именно так, т. е. думают, что быть революционером это значит всю жизнь нести в себе одну основную идею, это значит быть непреклонным и яростным, как Кожухов, и, как он, непримиримым. Революционеры времен Кожухова боролись в одиночку и кучками, они не имели нитей, связывающих авангард с массой. Но теперь такое время, когда на первый план выступают массы, и быть революционером теперь — значит организовать массы. Поэтому я думаю, что рабочий Т., увлекшийся прекрасным образом старого революционера, поймет, что следовать старым образцам можно и нужно, но следовать по-новому. Их любовь и ненависть, их увлеченность революционной идеей, — все это надо взять, помножить на идею организации масс и вложить в то, — что, для многих старых бойцов оставалось только мечтой, — в дело практического создания нового общества. Впрочем, все это ясно каждому, кто имел и сохранил в себе революционный «огонь»...

Мещанину же Кожухов не указ. Мещанин и в Ленине готов видеть... соглашателя. Я встречал таких умников. Хитро подмигивая, они «доказывают», что Ленин «позволил торговать», потому что «понял, что революция кончилась» (подлинные слова одного из моих собеседников). «Автор» этих слов — комсомолец; иные из умников носят и партбилет...

«*Революция кончилась*» — вот главный «девиз», написанный на розово-желтом «знамени» мещанина. В одном споре мещанина упрекнули в том, что он не борется с некоторыми безобразиями, и указали, что долг революционера — всегда стараться изменять окружающую его действительность. Он сказал: «Какой я революционер! Мы не революционеры. Это время прошло». Этот человек был комсомолец и кандидат партии. Думаете, какой-нибудь негодяй? Совсе нет. Он ничего предосудительного не делал и в общем добросовестно исполнял то, что ему поручали в организации, и то, что полагалось делать по службе. Что самое ужасное в его психологии? То, что скрывается под словом «мы»: — «Мы не революционеры». Не только о себе, но и о своих товарищах он думает так же. Он считает, что все — такие же, как он. Конечно, он жестоко ошибается. Но самая возможность появления такого мнения, самый факт состояния в революционной организации человека с такой психологией — это уже скверные симптомы. Симптомы чего? Прежде всего, недостаточности такого общественного воспитания, при котором каждый рабочий, а тем более член передовой организации мог бы на конкретных делах убеждаться в том, что революция *не* «кончилась», что надо быть революционером, и, наконец, что, не будучи революционером, нельзя состоять в революционной организации.

Но почему и зачем идет мещанин в эту организацию? Из шкурных целей? И да, и нет. «Все записываются» — говорил один такой про комсомол, — «а я что, хуже людей?» — Тут всякое бывает. Иной надеется легче удержаться при сокращении, другой идет без всяких, так сказать, «конкретных задач», — но и без «огня» и

без понимания классовых, революционных целей. Таких много и в комсомоле, и везде. И нельзя тут отговориться словечком о «классовом инстинкте» и т. п. Да, классовый «инстинкт» — великая сила, но она отливается в четкие и прочные революционные формы лишь тогда, когда «инстинкт» получает в процессе дальнейшего общественного воспитания и активности достаточное закрепление, развитие, закалку. А если этого нет? Если человек попадает в атмосферу казенщины, мелочной опеки или полного невнимания, в атмосферу дубовой методички политграмоты, разработанной какими-то крокодилами, которая душит и убивает всякую инициативу, которая предписывает о чем спросить, что сказать, которая не руководит, а просто не оставляет места для самостоятельности? (Сосновский). Это ли обстановка для революционного оформления «инстинкта»? — «Сидят молодые рабочие, к ним приходит человек и говорит то, что хочет этот человек, а не то, что их интересует». — Где здесь развиться «инстинкту»? Он может только притушиться. И пусть нам не говорят, что такие «методы» — случайность. О, нет, далеко нет! «Нарочно» ли производится эта операция духовного «замордования»? Никто никогда никому не приказывал производить ее. Но «операция» стала чуть ли не системой. А кто пытается пробить эту стену, тот немедленно зачисляется в «подозрительные».

Вот это и создает прекраснейшую почву для произрастания мещан и подлецов. Вступил, отбыл «политграмотную» повинность, сидел себе молча, пайнкой — и на этих уроках, и на службе, и в организации, не зачислен ни в какие «подозрительные»... Надежный элемент! Неужели непонятно, что именно из всего этого (плюс мелкобуржуазное наследство, окружение и пр.) и растет психология, выражающаяся в словах «революция кончилась», «это время прошло» и т. п.? Неужели непонятно, что на этих путях у нас *воспитывают мещан?*

Психология становится прочной, она входит в быт. Конечно, это психология старая, буржуазная. И любопытно, что она, входя в быт, подыскивает себе подобающее словесное «оформление», гоже взятое напрокат из старорежимных времен. Председатель крупного месткома, объединяющего предприятия целого района, входящие в МСПО (Моск. Союз Потреб. О-в), член ВКП, поучает работницу, пытающуюся бороться: «Э, милая, ты, я вижу, еще наивная девочка, жизни не знаешь!» Ведь эта фраза целиком, как-будто слово в слово, списана из бытового лексикона «довоенного образца». Или: «Сиди, не рыпайся, тебе-то что?!» — Или вот вам ответственный коммунист, учился в институте красной профессуры, во время одной из «схваток» с так называемой оппозицией был послан в Германию подучиться (вне всякой зависимости от дискуссии. — просто совпало во времени); вернувшись, откровенничает с друзьями: «Вот хорошо, что меня не было здесь»: он страшно рад, что ему не пришлось... выражать свое мнение! Шкурники ли они, все эти типы? Трудно установить «процент» шкурности у каждого из них, но не революционеры во всяком случае.

А между подлинным революционером и мещанином, не-революционером (а при случае, — если довелось бы когда-нибудь испытать такого огнем войны или каким-нибудь другим потрясением — то и контр-революционером или просто трусливым беглецом и дезертиром), — между этими двумя противоположными типами стоит третий, средний. Этот средний составляет большинство и, в

конечном счете, он и решает дело строительства, ибо составляет основной кадр работников.

«Средний» работник не носит в себе непримиримой ненависти к буржуазии, к старому, ко всему старому, что осталось в новом, — он не несет в себе такой ненависти, которая характерна для настоящего революционера; но он и не относится ко всему старому с тем преступным и тупым равнодушием, которое характерно для мещанина и под которым по-существу таится «наследственное» родство с этим старым или «благоприобретенное» тяготение к нему. «Средний» работник пойдет, вероятно, на смерть за революцию; но он не умеет всегда и во всякое дело вносить революционное. Он лично честен в общепринятом смысле этого слова, но по недостатку революционности он часто способен идти на компромиссы (не в личном, а в общественном), — на такие компромиссы, которые для дела не нужны и вредны и на которые он идет только потому, что боится «потрясения основ»; он хорошо знает, что нужно бороться с безобразиями, с бюрократизмом и т. п., но борется всегда с оглядкой: он все боится что-то потрясти, кого-то дискредитировать, он боится вместе с водой выплеснуть ребенка, не видя, что из-за этой половинчатости в «ванне остается грязная вода», и как раз «ребенок» и вынужден барахтаться в ней...

Мне могут задать законный вопрос: «Какой же вывод из всего этого? И разве перескочишь через тот факт, что «средний» человек есть именно средний? Это — средний человек, соответствующий данной стадии нашего развития; он постепенно растет и вырастет». Вопрос, конечно, вполне законный. Но вся беда в том, что уже в этой постановке вопроса содержится ошибка. Потому что, мне кажется, описанный тип «среднего» человека не соответствует переживаемому нами периоду. Это и есть ответ и вывод. Иными словами: я думаю, что *средний* — именно средний — тип мог бы быть *выше уже теперь, если бы были изменены некоторые условия* (об этом в заключении).

Чтобы сделать эту мысль более наглядной, я тоже задам один вопрос. Вот передо мной инструктор губернского комитета комсомола одной из столиц СССР. Это — А., девушка, 21 года. Но она уже полустаруха. Она ведет сравнительно ответственную работу, обследует ячейки, пишет доклады, участвует в заседаниях бюро губкома и т. д. Но она никогда не имеет своего мнения. Ее «точка зрения» — плод циркуляров. Она смотрит в рот вышестоящим, — какое слово оттуда вылетит, то и закон, и истина. Остальное — от лукавого. Сама, привакнув не иметь своего мнения, она грубо и с пеной у рта накидывается на каждого, кто «смеет свое суждение иметь». Она знает, что надо бороться с бюрократизмом, но она приходит в бешенство, когда узнает о человеке, который попробовал бороться *по-настоящему, т. е. организуя массу*.

Она пытается устранить недостатки — но только, ради бога, домашним способом: поговорить с секретарем ячейки, написать доклад в комитет, в крайнем случае собрать бюро ячейки. Однажды рабкор одного предприятия в стеной газете разоблачил антиобщественные действия секретаря. Через некоторое время А. производила там обследование. Она сама убедилась в неправильных, противообщественных действиях секретаря. Но в факте публичного разоблачения она не сумела разглядеть ничего, кроме «дискредитирования организации» (не секретаря, а организации). И, встретив рабкора, она заявила ему: «Ну, если бы я там была, я бы тебя притянула к ответственности». А когда рабкор сказал, что его за-

метка была потом напечатана в «Правде», то А. растерялась: «Я бы и «Правду» привлекла», — сказала она в озлоблении. Насчет «Правды», — это, конечно, просто словцо сорвалось в споре, — а рабкора бы «притянула», факт!

И тут же, в дальнейшей беседе, А. развила мысль о том, как, по ее мнению, должно бюро ячейки руководить стенгазетой. Вышло так: конечно, редколлегия выбирается, но... чуть-что, сейчас же надо «снимать» (речь шла о беспартийных* членах редколлегии). Таких «тонкостей», как попытка *пойти к массе* (в кружок рабкоров и т. д.) и постараться *доказать, убедить*, что данный работник непригоден, — А. не признает. Это — пустяки, «буза». То ли дело — «снять», уволить, все это проще (недвусмысленные директивы партии А. и подобные ей «средячки» превращают в двусмысленные, думая, — а иногда и откровенно говоря, — что нужно «читать между строк»). Но чтобы уволить рабкора, или попросту «приязать», «притянуть» и т. п., для всего этого нужно что-то против него придумать, выставить какие-нибудь мотивы, приемлемые для РКК, отдела труда и т. д. Начинается травля, ложь... Так постепенно «средний» тип может «вырасти» в законченного бюрократа, в какого-то бульдога, мертвой хваткой вцепляющегося в каждого, в ком ему мерещится зловерное «дискредитирование»...

А ведь эта девушка в общем честный человек, и начитанный, и на смерть пойдет за революцию (пойдет, если не выродится окончательно). Так в чем же дело? В объективных условиях нашей «стадии»? Или в *искусственных* условиях, которые можно было бы преодолеть уже сейчас?

4. О революционной смелости

Достаточно ли вообще у нас смелости? Нет, недостаточно. И здесь дело далеко не исчерпывается тем, чтобы еще и еще раз повторить слова Ленина о робости перед малейшей канцелярской реформой. Потому что смелости у нас нехватает не только в малых делах, но и в больших.

Разве в борьбе с бюрократизмом, бюрократами и произволом достаточно смелости? ¹ Или взять вопрос о новых формах работы (любой работы). Напр.: «Даже эти новые формы умудряются заполнить старым содержанием, выхолостить из них живую душу, оказнить и превратить в собственную противоположность» («Комс. Правда», 12 мая, передовая). Что вскрывает эта короткая фраза? Она вскрывает то свирепое *сопротивление*, которое известная часть руководителей аппарата (любого!) оказывает всему новому. Так вот: достаточно ли у нас смелости в деле *разоблачения* этого сопротивления? Какого разоблачения? Открытого, публичного, — словом, такого разоблачения, которое имело бы целью *взбудоражить и организовать массу*. — Хватает ли здесь смелости? Нет, нехватает. В чем проявляется здесь недостаток смелости?

В том, во-первых, что слова о «беспощадной борьбе», «массовой борьбе» и т. п. говорятся «вообще» и говорятся весьма смело, но когда дело дойдет до «такого-то» конкретного предприятия, учреждения, ячейки, организации, до конкретных людей с их

¹ Например, принято стыдливо говорить: «У нас пока есть еще бюрократизм», тогда как на самом деле бюрократизм не «еще есть», а возрастает, и бюрократы не «еще имеются», а плодятся все больше и больше.

конкретными поступками, — здесь спотыкаемся, тут смелости зачастую нехватает, и те, кто пытаются тут, на месте, организовать «беспощадную и массовую» борьбу, оказываются в одиночестве, да еще оплеванными и затравленными.

В том, во-вторых, что смелость сопутствует людям и организациям не до конца. Начинают смело. А на полдороге смелость бросают и — в кусты. На полдороге овладевают сомнения: «Как бы чего не вышло? Как бы не *дискредитировать*? Как бы не *подорвать* авторитет?»... Не понимают, что этот «поворот» на полпути, *он* то как раз и «дискредитирует», и «подрывает». Иные же понимают, но... тут подчас действует *интерес* (личный, групповой интерес, — например, групповой интерес бюрократов, связанных своеобразной «круговой порукой», против интересов масс).

Любая смелая идея обрастает сплошь и рядом таким ворохом оговорочек («с другой стороны», «вместе с тем», «однако»), что под этим тряпьем ее и не узнаешь. Пока идея дойдет до масс, расторопные людишки, воспользовавшись оговорочками (или «самодеятельно» сочинив их), так «раз'яснят» идею, что массы от нее отворачиваются: ничего нового, все то же старье, только в новом опереньи!

Главное же то, что «общая» смелость — смелость слов, смелость идей — лишь с огромным трудом «переключается» в смелость конкретных дел. В этом отношении особенно убедительны примеры, иллюстрирующие соотношение, пропорцию между смелостью нашей *печати* и практическим, на месте, осуществлением того, о чем говорит печать.

«Что следует из того, что целый год, изо дня в день, долбила «Комсомольская Правда» об обмене опытом, о новых методах руководства... когда газета читается мельком и отбрасывается неиспользованной для работы, когда для ячеек проходит незаметными большинство новых начинаний?» («Комс. Правда», 19 мая, — «Дела и дни одной ячейки»). — Неужели же мы пишем зря? Нет, не зря, — факты и идеи пробивают себе путь к сознанию передовых людей. Так в чем же дело? В том, что сплошь да рядом эти идеи *не идут дальше*, не идут в массу. Что толку, если ты прочел смелую статью и оставил ее «про себя»? Если ты сам — смелый, то пойдешь в массу и организуешь ее. Ты подхватишь мысль, критически задумаешься в нее, применишь ее к твоим, «местным», конкретным условиям, делам и людям; ты подберешь себе единомышленников и таких союзников, у которых не убавилось революционного «огня» и не прибавилось трусости, и вместе, «ударной» группой, вы возьметесь за организацию массы, за организацию *натиска масс* на все, что этого натиска ждет.

Тогда смелость печати, смелость идеи и ваша собственная смелость не пропадут зря.

5. Дела, люди и формы

Вопрос о смелости именно и есть вопрос не о смелости «вообще», про себя, а о приложении ее к конкретным задачам. Всякому ясно, что смелость может быть проявлена и доказана только в действиях. И вот здесь встает вопрос о *новых формах* борьбы и работы.

Что же это за форма?

Но эти группы были бы бессильны, если бы они стали работать «лабораторным методом», если бы они варились в собственном соку. Нет, они должны *искать путь в массу*. Не надо, конечно, пугаться малочисленности — всякое новое дело начинается всегда с меньшинства; не надо и в случае неуспеха признавать себя побежденными, раз есть убежденность в своей правоте. Если вы убеждены в своей правоте, но в данный момент масса еще не с вами, незачем все-таки складывать оружие... но — всеми силами стараться найти общий язык с массами. Это не значит приспособляться к большинству, сдавая свои позиции.

Это значит, что надо стараться убедить и привлечь еще одного, двух, стараться постепенно убедить большинство, убедить страстностью слова, страстностью и конкретностью дела. Во всем: в борьбе с отрицательным, в развитии положительного, в любом новом деле, новой идее, — во всем и всегда думать о массе, о связи с нею, о том, что ее, массу, надо поднять, о том, как бы ее заинтересовать, задеть за живое, толкнуть на слово и действие.

Конечно, такие группы встретят массу препон. Кое-кому сие придется не по нраву. Например, упомянутая уже «инструкторша» крайне негодовала по поводу того, что в некоторых местах уже организовались группы по изучению госаппарата. «И бюро (комитета) утвердило!» — в ужасе говорила она. И есть от чего притти в ужас: собралась такая группа, обсуждает все, что ей угодно, и готовит как-то *действовать*. И — к ней не подойдешь с опекой, потому что тут объединились люди, которые хотят работать не в порядке очередной сто первой «нагрузки», а добровольно, с интересом, с увлечением. Такое объединение не потерпит никакой опеки и в случае чего даст жестокий отпор. А руководство? Никакое здоровое течение никогда не будет отказываться от подчинения здоровому же руководству (но не опеке). Кто боится выронить политическое руководство над такими объединениями (или над массами — при наличии и работе таких объединений), тот, значит, привок опекать, дергать и командовать, а не руководить.

Говорят о недостатке людей. Говорят о «человеческом кризисе». Да, в «порядке нагрузки» людей нехватает, приходится подчас чуть ли не силком тащить. А попробуйте открыть двери для добровольной работы добровольных гибких групп — и мы посмотрим, есть люди или нет!

Люди есть. Революция, буйная весна, дала обильные человеческие всходы. Надо только выгнать с революционного поля тяжеловесных лошадей бюрократизма.

Что могут сделать добровольные группы? Они, прежде всего, могут стать гибкими, быстро действующими щупальцами массового *контроля*. Представьте себе, что такие группы существовали бы уже на заводе, где выделялась посуда, которую в момент снижения цен перекрашивали и пускали в оборот по повышенной цене. Если бы тут действовала добровольная группа — предположим, поставившая себе на время цель оказать содействие партии в деле снижения цен, — эта группа, будьте уверены, подняла бы такой шум, что почтенные фокусники сами не рады были бы своей «коммерческой» затее. Почему именно эта группа подняла бы шум? Потому, что ведь в ней объединились люди, интересующиеся данным вопросом, сплоченные, увлеченные и поэтому готовые пойти на любые трудности и щелчки, лишь бы добиться своего. — Добиться

того, что они считают полезным для дела, для своего предприятия, для государства.

Это — толькo пример. Можно предвидеть многочисленные точки приложения энергии добровольных групп.

Ясно еще одно: эти группы будут великолепной *школой*, великолепной мастерской того нового «человеческого материала», о кризисе которого у нас теперь говорят. И, может быть, именно на этом пути «средний» тип — и из рядовых товарищей-массовиков, и, отчасти, из уже имеющегося кадра работников — сможет быстро подняться над своим теперешним уровнем. Этот уровень, повторяем, не соответствует современным возможностям нашей эпохи: он *ниже* этих возможностей. Нужно открыть какие-то *новые обзоры* — это есть единственный путь к тому, чтобы «человеческий кризис» был разрешен.

И главное тут — опять-таки смелость. Если смелость ничего не даст без реализации ее в действиях, в моем содержании и новых формах, то и новые формы ничего не могут дать без смелости. У нас уж что-то слишком стали в ходу старенькие поговорки, в роде «своя рубаха к телу ближе», или на новый лад: «это тебе не двадцатый год; сиди себе и живи, да другим жить не мешай». Трус стал у нас чересчур почтенной персоной. Забыли Перекоп? А мы не смеем не только о прошлых Перекопах, но и о будущих не смеем забывать. Потому что они могут загреть завтра. Да и внутри у нас немало Перекопов, которые надо взять.

Но без смелости Перекопов не возьмешь. Никаких. А взять надо. Постоянно надо брать. Не для того брали Перекопы, чтобы потом зарыться в пуховую перину (у кого она есть), а для того, чтобы постоянно брать и брать.

Лучшие люди всех народов, всех времен добивались страстно, как бы пробудить смелость в людях, в массах. Лучшие идеи погибали, когда не было смелости; труднейшие дела удавались, когда она была.

Да здравствует революционная смелость!

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Н. С. БЕРЕЗИН. — **Оппозиция и основные вопросы хозяйственной политики.** ГИЗ. 1927. Стр. 61. Ц. 12 к.

Автор вполне верно в начале брошюры намечает место хозяйственной платформы оппозиции в общей цепи ее выступлений против нынешнего партийного руководства. Оппозиция больше всего шумит сейчас по вопросам международным, спекулируя на затруднениях, в преодолении которых растет и развивается китайская революция, но главный бой, как это видно из ряда выступлений и документов, она собирается дать по вопросам внутренней политики, по вопросам хозяйственного строительства. «Оппозиционные лидеры рассчитывают вовлечь массы в свои сети, идя в наступление против ЦК по вопросам хозяйственного и советского строительства» — говорит он в введении к брошюре.

Такая оценка хозяйственной программы оппозиции единственно правильная. Иначе, как стремлением сыграть на цеховых настроениях известной части пролетариата и на собственных жилах известной части крестьянства, нельзя объяснить себе причины тех противоречий, которые составляют сущность хозяйственной программы оппозиционной путаницы, которая в этой программе царит, тех демагогических лозунгов, прыжков от политики повышения цен к критике недостаточности их снижения, от борьбы за свер-

индустриализацию к воплям о «гибельной» для сельского хозяйства политике ЦК партии. Статья т. Преображенского в «Большевике» и поправки, внесенные представителями оппозиции на фракции IV Съезда Советов, выявляющие экономическую платформу оппозиции в ее новом издании, подвергнуты в рецензируемой брошюре резкой и истеричающей критике. Автор, разбирая взгляды оппозиции на наши взаимоотношения с мировым хозяйством, на современное хозяйственное положение, на политику зарплат, на перераспределение накопления, на снижение цен, режим экономии и т. д. и т. п., показывает, что во всех этих вопросах оппозиция, во-первых, не имеет никакой твердой линии, неоднократно меняла свою точку зрения, выдвигая прямо противоположные требования, и, во-вторых, каждый из них она использует в демагогических целях, для нападок на ЦК, желая путем мнимой «защиты» интересов различных групп трудящихся привлечь их на свою сторону. Насыщенная фактическим и цифровым материалом, живо написанная, обобщающая явления, дающая верную критику оппозиционных взглядов, рецензируемая брошюра является ценным вкладом в популярную литературу по вопросам внутрипартийной жизни и может быть рекомендована, как полная книга для низового комсомольского актива и рядовых комсомольцев.

К. Антонов

РЕДКОЛЛЕГИЯ: И. Жолдак, Капсберг, Т. Костров, Д. Матвеев, А. Мильчаков, Д. Ханин и Н. Чапанн.

Ответственный редактор — Д. ХАНИН.

ПАРТИЯ И ОПОЗИЦИЯ

Сборник статей и материалов. Составили: А. Слепков и Л. Ровинский. С пред. Ем. Ярославского и вводной статьей А. Слепкова «Троцкизм—идеология оппозиции». 20 печ. л. (печатается)

ОТДЕЛ I

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

А. Общие вопросы международного положения

А. Слепков—«Оппозиция и вопросы международной политики на объединенном пленуме». А. Слепков—«Международные перспективы оппозиции». Н. И. Бухарин—«Доклад на пленуме ЦК ВКП (б)». О международном положении. Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК, принята 9 августа 1927 г. А. И. Рыков—«Стабилизация капитализма и военная опасность»

Б. Военная опасность и оппозиция

Н. И. Бухарин—«Борьба с войной и оппозиция». И. Сталин—«Об угрозе войны». Б. Борзилин—«Оппозиция и военная опасность». Н. Бухарин—«Оппозиционные «сумерки» и вопрос о военной обороне СССР. Опасность войны и тезис Троцкого».

В. Вопросы китайской революции

О «путешествии» т. Радека по Китаю или «серьезное революционное отношение» к проблемам китайской революции. Резолюция по китайскому вопросу VIII пленума ИККИ. Н. Бухарин—«Китайская революция и оппозиция». Н. Бухарин—«Текущий момент китайской революции. Постановление ИККИ о текущем моменте китайской революции. Т. Мавадлин—«Почему обанкротилось руководство киткомпартии». Э. Гольденберг—«Левая фраза и с.д. иллюзии. В. Астров—О китайской революции. И. Сталин—О Китае. Проблема китайской революции.—Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК—Июль—Август 1927 г. Н. Бухарин—Проблема китайской революции и оппозиционный блок (из доклада на ленинградском активе—11/VIII—27)».

Г. Англо-русский комитет

Беннет—Англо-русский комитет и оппозиция. Смолянский—От АРК.

ОТДЕЛ II

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО СССР

Арт. Кактынь—О хозяйственных итогах двух последних лет. А. Слепков—«Хозяйственная платформа оппозиции. «Рационализация производства и оппозиционная демография». А. Рыков—«Экономические предсказания оппозиции. А. Слепков—«Вопрос о крестьянстве. М. Кантор—«Оппозиционный «курс» в вопросах деревни, политики. Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК—9 авг.—О хозяйственных директивах на 1927—28 г. Э. Гольденберг—Под завесой».

ОТДЕЛ III

О ХАРАКТЕРЕ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ И ОПАСНОСТИ ПЕРЕРОЖДЕНИЯ

Н. Бухарин—О характере нашей революции и возможности победоносного социалистического строительства в нашей стране. А. Рыков—«Новейшие откровения т. Троцкого. А. Слепков—«Классы, партия, так называемое перерождение. Д. Маредский—«Так называемый «Термидор» и опасности перерождения».

ОТДЕЛ IV

ФРАКЦИОННАЯ РАБОТА ОПОЗИЦИОННОГО БЛОКА

Постановление президиума ЦКК ВКП (б) от 24/VI | 27 по поводу нарушения дисциплины т. т. Зиновьевым и Троцким. Л. Ровинский—«К вопросу о «режиме» в ВКП (б)». Письмо Бюро О-ва старых большевиков ко всем членам О-ва, ко всем членам партии. Н. Бухарин—«Идейные корни оппозиционной идеологии. Мих. Глебов—«Исторические корни современного ликвидаторства. В. Молотов—«О партийных задачах. Н. Чалин—«Об оппозиционной клевете на комсомол. Н. Крупский—«Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП—2/VIII—27. Заявление оппозиции объединенному пленуму. О нарушении дисциплины т. т. Зиновьевым и Троцким.—Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) от 9/VIII—27. Н. Николаева—«Как нельзя понимать единство партии. Заявление т. Зофа в ЦК ВКП (б) от 12/VII—27. Ем. Ярославский—«О свободе критики в нашей партии. Партия о решениях пленума ЦК и ЦКК».

ОТДЕЛ V

СОЮЗНИКИ ОПОЗИЦИОННОГО БЛОКА

В. Ломиндзе—«От левой фразы к социал-фашизму. А. Слепков—«Об одном процессе перерастания. Еф. Ц.—«Рупор русской оппозиции». Г. Нейман—«Левые» ласточки интервенции. Ем. Ярославский—«Группа Маслова—Урбанса. Ефим Цетлин—«Об Иванях-Невомящих. Заявление делегации КПГ на объединенном пленуме ЦК и ЦКК». Приложения: Материалы, календарь оппозиционных выступлений, библиография и указатель имен.

ЧИТАЙТЕ МАССОВЫЙ, БОГАТО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

„СМЕНА“

Орган ЦК ВЛКСМ

Журнал выходит под редакцией „Комсомольской Правды“

★

„СМЕНА“ дает художественные рассказы и повести лучших русских и иностранных писателей на наиболее острые бытовые и интересные для молодежи темы.

В живых очерках, дискуссиях и анкетах „СМЕНА“ ставит все наиболее жизненные, волнующие молодежь вопросы.

Быту—всему здоровому и больному, новому и интересному в нем—и нашей культуре „СМЕНА“ уделяет центральное место.

„СМЕНА“ освещает жизнь Европы и Америки как с социально-бытовой стороны, так и в новейших технич. достижениях.

„СМЕНА“ следит за научными экспедициями и путешествиями и в живой увлекательной форме показывает на своих страницах наиболее интересные страны мира. Восток, его культуру, революционное движение привлекают особое внимание читателей.

Журнал выходит каждые две недели.

Постоянно освещаются наше производство, строительство, наши богатства и жизнь.

Журнал имеет художественную красочную иллюстрацию в тексте.

1 м.

о. 60 к.

ПОДПИСАТЬСЯ

почтовым переводом по адресу: Москва, Новая площадь, д. 6, Изд-ву «Молодая Гвардия». Подписка принимается также в отделениях и магазинах «Молодой Гвардии» и во всех почтово-телеграфных конторах СССР

1734/11
И. Новиков и Л. Давыдов
Москва-Лек. 1 этаж
№ 3 отд. экз-кн. № 29. 42
п. л. 11
ИЗД-ВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
МОСКВА